

Карлос Кастанеда. Колесо времени

Книга 11

Шаманы Древней Мексики: их мысли о жизни, смерти и Вселенной

«Скоро Бесконечность поглотит меня, и я хочу подготовиться к этому...»

Итак, «Колесо времени», очевидно, итоговая книга Карлоса Кастанеды. Может быть, он все же напишет что-нибудь еще, но эта книга все равно будет итоговой. Так она задумана. И пусть концентрированная мудрость дона Хуана поможет вам на вашем пути. Эта книга пропитана Силой.

Колесо времени

Доктор антропологии Карлос Кастанеда был учеником дона Хуана Матуса, индейского шамана из Мексики. Новая книга Карлоса Кастанеды «Колесо времени» представляет собой собрание главнейших афоризмов и высказываний из восьми его прежних книг, описывающих классическую подготовку инициации шамана, которую он проходил под руководством дона Хуана Матуса в течение тринадцати лет.

Дону Хуану Матусу удалось ввести Карлоса Кастанеду в мир шаманов Древней Мексики — основателей его линии шаманов. Он утверждал, что мир шаманов подчиняется иной когнитивной системе, отличающейся от той системы познания, которая господствует в повседневном мире. Судя по тому, что узнал в процессе своего обучения Карлос Кастанеда, мир шаманов Древней Мексики действительно подчиняется системе познания, совершенно отличной от нашей собственной.

Просматривая цитаты из «Колеса времени», Карлос Кастанеда осознавал, что в методе преподавания дона Хуана Матуса не было ничего случайного, хотя в то время его указания казались Карлосу Кастанеде импровизированными. Однако это обучение проводилось в соответствии со скрытыми побудительными причинами, определяемыми той традицией, что была приведена в действие мексиканскими шаманами много тысячелетий назад.

Опираясь на один из принципов системы познания мира шаманов, шаманы называли бы ту структуру, которая просматривается в размещении афоризмов в этой книге, колесом времени — для тех людей такая концепция была не умоглядной и не теоретической, а столь же прагматичной, какими были они сами. Время является для шаманов совершенно понятной формой упорядоченности энергии, которую человек может почти непосредственно осязать и приводить в движение. Благодаря развиваемой в течение всей жизни невероятной силе сосредоточения эти шаманы действительно были способны осязать колесо времени и перемещать его настолько сильно, что цель вызванного ими смещения, какой бы она ни была, можно ощутить даже в наши дни.

ВВЕДЕНИЕ

Приведенный здесь набор избранных изречений был выбран из первых восьми книг о мире шаманов Древней Мексики. Эти важнейшие принципы извлекались непосредственно из тех пояснений, которые я, как антрополог, получал от своего учителя и наставника дона Хуана Матуса, индейца из племени яки и мексиканского шамана*. Он относил себя к линии шаманов, возникновение которой уходит в прошлое к тем шаманам, что жили в Мексике в давние времена.

** Понятия «шаман» и «шаманизм» К. К. стал впервые использовать в «Активной стороне бесконечности» вместо никогда не удовлетворяющего его определения знания дона Хуана понятием «магия». Сибирское слово «шаман» стало очень популярным на Западе в последние годы благодаря книгам Элиаде, Харнена, Минделла, Стивенсов и др. авторов. — Прим. ред.*

Дон Хуан Матус ввел меня в этот мир — который, разумеется, был миром шаманов древности — самым действенным из доступных ему способов. Таким образом, ключевую позицию в моем обучении занимал сам дон Хуан. Он знал о существовании иной

реальности — о мире, не являющемся ни иллюзией, ни плодом буйного воображения, поскольку для дона Хуана и его спутников-шаманов (их было пятнадцать) мир шаманов древности был настолько же реальным и прагматичным, насколько это вообще возможно.

Работа над данной книгой началась с очень простой попытки выбрать из традиции этих шаманов краткие концепции, афоризмы и мысли, которые могли бы стать интересным материалом для чтения и размышления. Однако в процессе работы произошло непредвиденное изменение этой цели: я осознал, что сами эти высказывания насыщены невероятной Силой. Они таили в себе скрытый ход мыслей, которого я прежде не замечал, и очерчивали то направление, в котором пояснения дона Хуана вели меня в течение тех тринадцати лет, когда я был его учеником.

Эти цитаты лучше любых общих теоретических рассуждений раскрывают непредсказуемый и негибкий образ действий, которому следовал дон Хуан, чтобы поддержать и ускорить мое погружение в его мир. Я не подвергаю сомнению тот факт, что поскольку дон Хуан следовал такой линии действий, то она в точности совпадает с тем подходом, с помощью которого его собственный учитель ввел в мир шаманов самого дона Хуана.

Образ действий дона Хуана Матуса заключался в намеренных попытках ввести меня в то, что он называл иной системой познания. Под системой познания он понимал стандартное определение познания: «процессы, несущие ответственность за осознанность в повседневной жизни и включающие в себя память, личный опыт, восприятие и искусное использование какого-либо синтаксиса». Дон Хуан утверждал, что система познания шаманов Древней Мексики действительно отличалась от системы познания обычного человека.

В соответствии со всеми присущими мне, как человеку, изучающему общественные науки, логичностью и здравомыслием, мне пришлось отвергнуть его утверждение. Время от времени я настойчиво заявлял дону Хуану, что все его утверждения нелепы. Мне они казались, в лучшем случае, интеллектуальными заблуждениями.

Чтобы рассеять мое доверие к обычной системе познания, позволяющей нам постигать окружающий мир, потребовалось тринадцать лет тяжелого труда с его и моей стороны. Эта перемена вызвала у меня весьма странное состояние; состояние кажущегося недоверия к прежде безоговорочному согласию с познавательными процессами повседневного мира.

После тринадцати лет тяжелых столкновений я против своей воли осознал, что дон Хуан Матус действительно исходил из совершенно другой точки зрения. Это означает, что шаманы Древней Мексики на самом деле опирались на совершенно иную систему познания. Признание этого опустошило меня до глубины души. Я чувствовал себя предателем. Мне казалось, будто я высказываю самую ужасающую ересь.

Почувствовав, что ему удалось сломить мое яростное сопротивление, дон Хуан вогнал свою точку зрения в самые глубины моего существа, и в отношении мира шаманов мне пришлось безоговорочно признать, что шаманы-практики оценивали мир с такой точки зрения, которую невозможно было описать с помощью привычных нам концепций. К примеру, они воспринимали энергию так, как она течет во Вселенной, — энергию, свободную от ограничений влияния общества и синтаксиса; чистую, вибрирующую энергию. Они называли это актом видения.

Основная цель дона Хуана заключалась в том, чтобы помочь мне воспринять энергию так, как она течет во Вселенной. В мире шаманов такое восприятие энергии является первым обязательным шагом к еще более захватывающей и свободной точке зрения иной системы познания. Чтобы добиться от меня реакции видения, дон Хуан воспользовался другими, чуждыми элементами познания. Один из важнейших таких элементов он называл переосмотром; этот метод представляет собой систематическое тщательное изучение собственной жизни, фрагмент за фрагментом, которое проводится не с позиции оценивания или поиска ошибок, а с точки зрения попытки постичь свою жизнь и изменить ее ход. Дон Хуан утверждал, что, как только практикующий начнет взирать на свою жизнь в той отстраненной манере, какой требует переосмотр, он уже не сможет вернуться к прежнему образу жизни.

Видеть энергию так, как она течет во Вселенной, означало, по словам дона Хуана, способность видеть человеческие существа в облике светящегося яйца, или светящегося шара энергии, и различать в этом светящемся шаре энергии определенные черты, свойственные всем людям в целом — например, точку повышенной яркости в достаточно ярком светящемся энергетическом коконе. Шаманы утверждали, что именно в этой точке повышенной яркости, которую они называли точкой сборки, и собирается восприятие. Логическое развитие этой мысли означает, что в этой точке повышенной яркости вырабатывается наша система познания мира. Каким бы странным это ни казалось, дон Хуан Матус был прав в том смысле, что именно так все и происходит.

Таким образом, процесс восприятия шаманов существенно отличался от восприятия обычного человека. Шаманы утверждали, что прямое восприятие энергии привело их к тому, что они называли энергетическими фактами. Под энергетическими фактами они понимали вызываемое непосредственным видением энергии зрелище, которое приводит к окончательным и несократимым выводам — эти выводы не подчиняются логическим соображениям или попыткам согласовать их с привычной нам системой интерпретации.

Дон Хуан говорил, что для шаманов его линии энергетическим фактом было то, что окружающий нас мир определяется процессами познания и эти процессы не являются неизменными — они не есть нечто непреложное. Эти процессы зависят от подготовки, они связаны с практичностью и пользой. Эта мысль получает свое развитие в другом энергетическом факте: процессы привычного нам познания представляют собой только следствия воспитания — и ничего больше.

Дон Хуан Матус без тени сомнения знал, что его рассказы о системе познания шаманов Древней Мексики — именно то, что происходит в действительности. Помимо прочего, дон Хуан был нагвалем; для шаманов-практиков это понятие означает естественного лидера — человека, способного наблюдать энергетические факты без вреда для самого себя. Таким образом, он был наделен умением успешно проводить своих собратьев по таким путям мышления и восприятия, какие просто не поддаются описанию.

Принимая во внимание все факты системы познания, о которых рассказал мне дон Хуан, я пришел к выводу о том, что важнейшим элементом такого мира является идея намерения — сам дон Хуан придерживался того же мнения. Для шаманов Древней Мексики намерение представляло собой некую силу, которую они могли визуализировать, когда видели энергию так, как она течет во Вселенной. Они называли это всепроникающей силой, вовлеченной в любой аспект времени и пространства. Это та движущая сила, что кроется за всем сущим. Невообразимо важным открытием тех шаманов стало то, что это намерение — чистая абстракция — тесно связано с человеком. Человек всегда мог манипулировать намерением. Шаманы Древней Мексики осознали, что единственный способ повлиять на эту силу связан с безупречным поведением. Только самый дисциплинированный практик способен совершить этот подвиг.

Другим невероятно важным элементом этой странной системы познания шаманов было понимание и использование концепций времени и пространства. Для них время и пространство были совсем не теми явлениями, которые являются частью нашей жизни всего лишь потому, что они представляют собой неотъемлемую часть привычной нам системы познания. Стандартное определение времени для обычного человека звучит так: «непространственный континуум, в котором события происходят в несомненно необратимой последовательности и развиваются от прошлого — через настоящее — к будущему». Пространство определяется как «бесконечная протяженность трехмерного поля, в котором существуют звезды и галактики; Вселенная».

Для шаманов Древней Мексики время представляло нечто схожее с мыслью — это мысль, возникающая в мышлении чего-то такого, что непостижимо в своем величии. Логическим доказательством для них служило то, что сам человек, будучи частью этой мысли, протекающей в мышлении неких непостижимых для его разума сил, удерживает в себе небольшой процент этой мысли — и при определенных обстоятельствах выдающейся дисциплины этот процент можно вернуть назад.

Пространство было для этих шаманов абстрактным миром деятельности. Они называли его бесконечностью и ссылались на него как на общий итог всех усилий живых существ. Для них пространство было чем-то более доступным, почти приземленным. Судя по всему, они извлекли из абстрактного определения пространства большую практическую пользу. Согласно тем версиям, о которых говорил дон Хуан, шаманы Древней Мексики, в отличие от нас, никогда не считали время и пространство туманными абстракциями. Для них и время, и пространство — несмотря на непостижимость их определений — были неотъемлемой частью человека.

У этих шаманов был еще один элемент познания под названием колесо времени. Они объясняли понятие колеса времени, рассказывая, что время похоже на туннель бесконечной длины и ширины — туннель с зеркальными бороздками. Каждая бороздка бесконечна; бесконечно и их число. Сила жизни принудительно заставила живые существа всматриваться в одну бороздку. Всматриваться только в одну бороздку означает оказаться пойманным в ее ловушку, жить этой бороздой.

Окончательная цель война заключается в том, чтобы посредством акта глубокой дисциплины сфокусировать свое непоколебимое внимание на колесе времени и заставить его повернуться. Те воины, которые добились успеха в повороте колеса времени, могут увидеть любую бороздку и извлечь из нее все, что угодно. Свобода от зачаровывающей силы взгляда в одну бороздку означает, что воины могут смотреть в любом направлении и видеть,

как время отступает от них или приближается.

С такой точки зрения, колесо времени оказывает непреодолимое влияние, простирающееся на всю протяженность жизни воина и за ее пределы — как в случае собранных в этой книге выражений. Они выглядят сплетенными в кольцо, живущее своей жизнью. Согласно объяснению в системе познания шаманов, это кольцо и является колесом времени.

Таким образом, под влиянием колеса времени цель этой книги стала отличной от первоначального замысла. Сами изречения и только они стали господствующим фактором и вызвали у меня стремление оставаться как можно ближе к тому стилю, в каком они были даны мне — а давались они в духе умеренности и предельной прямоты.

Я безуспешно пытался сделать еще кое-что: распределить высказывания по ряду категорий, которые облегчили бы их чтение. Однако подобная классификация изречений оказалась неприемлемой. Я не нашел подходящего способа разделения чего-то настолько неопределенного и обширного, как целостный мир познания, на какие-либо произвольные смысловые категории.

Мне оставалось просто двигаться вслед за высказываниями и позволить им самим создать набросок очертаний мыслей и ощущений шаманов Древней Мексики в отношении жизни, смерти, Вселенной и энергии. Эти мысли связаны с тем, как шаманы понимали не только саму Вселенную, но и протекающие в нашем мире процессы жизни и сосуществования. Еще более важно то, что они указывают на возможность одновременного использования двух систем познания без какого-либо ущерба для личности.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «УЧЕНИЯ ДОНА ХУАНА»

Сила зависит лишь от того, какого рода знанием владеет человек. Какой смысл в знании вещей, которые бесполезны? Они не готовят нас к неожиданной встрече с неизвестным.

Ничто не дается даром в этом мире, и приобретение знания — труднейшая из всех задач, с какими человек может столкнуться.

Человек идет к знанию так же, как он идет на войну — полностью пробужденный, полный страха, благоговения и безусловной решимости. Любое отступление от этого правила — роковая ошибка, и тот, кто ее совершит, непременно доживет до дня, когда горько пожалеет об этом.

Только выполняющий эти четыре условия — быть полностью пробужденным, полным страха, благоговения и безусловной решимости — застрахован от ошибок, за которые придется платить; лишь при этих условиях он не будет действовать наугад. Если такой человек и терпит поражение, то он проигрывает только битву, а об этом не стоит слишком сожалеть.

Слишком сильное сосредоточение на себе порождает ужасную усталость. Человек в такой позиции глух и слеп ко всему остальному. Эта странная усталость мешает ему искать и видеть чудеса, которые во множестве находились вокруг него. Поэтому кроме проблем у него ничего не остается.

Любому, кто приступает к учению, приходится выкладываться настолько, насколько он способен, и границы обучения определяются собственными возможностями ученика. Именно поэтому разговоры на тему обучения лишены всякого смысла. Страхи перед знанием — дело обычное; все мы им подвержены, и тут ничего не поделаешь. Однако каким бы устрашающим ни было учение, еще страшней представить себе человека, у которого нет знания.

Сердиться на людей означает считать их поступки чем-то важным. Настоятельно необходимо избавляться от подобного ощущения. Поступки людей не могут быть настолько важными, чтобы отвести на задний план единственную жизненно важную альтернативу:

наши неизменные встречи с бесконечностью.

Любой путь — лишь один из миллиона возможных путей. Поэтому воин всегда должен помнить, что путь — это только путь; если он чувствует, что это ему не по душе, он должен оставить его любой ценой. Любой путь — это всего лишь путь, и ничто не мешает воину оставить его, если сделать это велит ему его сердце. Его решение должно быть свободно от страха и честолюбия. На любой путь нужно смотреть прямо и без колебаний. Воин испытывает его столько раз, сколько находит нужным. Затем он задает себе, и только самому себе, один вопрос: имеет ли этот путь сердце?

Все пути одинаковы: они ведут в никуда. Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь; если нет, то от него никакого толку. Оба пути ведут в никуда, но у одного есть сердце, а у другого — нет. Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствуешь — ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь дает тебе силы, другой — уничтожает тебя.

Это мир счастья, где между вещами нет различия, потому что там некому спрашивать о различии. Но это не мир людей. Некоторые люди наивно верят, что они живут в двух мирах, что они могут выбирать между мирами, но это только их самонадеянность. Для нас существует лишь один-единственный мир. Мы — люди, и должны безропотно следовать миру людей.

У человека есть четыре врага: это страх, ясность, сила и старость. Страх, ясность и сила могут быть побеждены, но не старость. Это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть свое поражение.

КОММЕНТАРИИ

В абстрактном характере высказываний из первой книги, «Учение дон Хуана», заключена сущность всего, что говорил дон Хуан в самом начале моего ученичества. По полному тексту книги видно, что дон Хуан очень много рассказывал о союзниках, растениях силы, Мескалито, «дымке», ветре, речных и горных духах, духе чаппарала и так далее. Позже, когда я спросил его, почему он уделял такое внимание этим явлениям, но не обращался к ним впоследствии, он невозмутимо признался, что в начале моего обучения погрузился во весь этот псевдошаманский вздор только ради меня.

Я был ошеломлен. Меня удивило то, как он может высказывать такие утверждения, представляющие собой откровенную неправду. Однако он действительно имел в виду именно то, что сказал, а я, без сомнений, был тем самым человеком, который мог засвидетельствовать достоверность его слов и расположения духа.

— Не относись к этому так серьезно, — смеясь, сказал он. — Занятия всей этой чепухой всегда развлекали меня, а с тобой было еще веселее, так как я знал, что делаю это для твоей же пользы.

— Для моей пользы, дон Хуан? Что за ерунда?

— Да, для твоей пользы. Я обманывал тебя, удерживая твоё внимание теми предметами твоего мира, которые вызывали у тебя глубокий интерес, — и ты проглатывал все целиком: и наживку, и леску, и поплавки.

Все, что мне было нужно, — твоё безраздельное внимание. Но как я мог добиться его от такой недисциплинированной натуры? Ты сам вновь и вновь говорил мне, что приезжаешь потому, что считаешь мои рассказы об этом мире захватывающими. Однако ты не знал, как выразить, что испытываемый тобой интерес основан на том факте, что ты смутно согласен с каждым моим словом. Ты думал, что эта неясность, разумеется, и является шаманизмом, и тянулся к ней — потому и приезжал.

— Ты поступаешь так с каждым, дон Хуан?

— Не с каждым, так как ко мне приходит не каждый, и, прежде всего, меня самого интересует далеко не каждый. Меня интересовал и интересуешь ты, ты один. Мой учитель, нагваль Хулиан, обманул меня точно так же. Он воспользовался моими чувственностью и жадностью. Он обещал озолотить меня и свести меня со всеми прекрасными женщинами, которые его окружали. Он пообещал мне богатство, и я попался на удочку. Так с незапамятных времен обманывали всех шаманов моей линии. Шаманы моей линии — не

учителя или гуру. Им плевать на широкое распространение своих знаний. Им нужны только преемники, а не какие-то люди, смутно заинтересованные в этих знаниях по неким интеллектуальным соображениям.

Дон Хуан был прав, когда говорил, что я полностью попался на его удочку. Я действительно полагал, что нашел шамана и превосходный источник антропологической информации. Именно в то время под покровительством и влиянием дон Хуана я списывал целые дневники и собирал старинные карты, на которых были указаны местоположения городов индейцев яки на протяжении долгих столетий, начиная с иезуитских летописей конца XVIII века. Я отметил все эти города, выявил самые незначительные изменения и ломал голову над тем, почему эти города меняли свое положение и при каждом таком смещении образуемый ими узор становился несколько иным. Псевдоразмышления о разумности и обоснованных сомнениях раздавили меня. Я собрал тысячи листков сжатых записей и предположений, извлеченных из различных книг и летописей. Я был настоящим студентом факультета антропологии. Дон Хуан раздувал мое воображение всеми доступными средствами.

— На пути воинов нет добровольцев, — сказал мне дон Хуан, делая вид, что что-то объясняет. — Человека приходится выводить на путь воина против его воли.

— Дон Хуан, что мне делать с теми тысячами записей, которые я собрал в результате твоего обмана? — спросил я его в тот раз.

Его ответ стал для меня настоящим потрясением.

— Напиши о них книгу! — сказал он. — Я уверен, что если ты начнешь ее писать, то все равно никогда не воспользуешься своими записями. Они бесполезны — но кто я такой, чтобы говорить тебе об этом? Придумай сам. Однако не пытайся писать книгу так, как это делает писатель. Сделай это как воин, как воин-шаман.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Не знаю. Сам разбирайся.

Он был абсолютно прав. Я так и не воспользовался теми записями. Вместо этого я неожиданно для самого себя написал книгу о непостижимых возможностях существования иной системы познания.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «ОТДЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Воин знает, что он только человек. Его единственное сожаление заключается в том, что жизнь коротка и он не успеет прикоснуться ко всему, что ему нравится. Но и это для него не проблема; это просто сожаление.

Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Быть воином означает быть легким и текучим.

Когда видишь поля энергии, человеческие существа выглядят как световые волокна, похожие на белую паутину, очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

Видящие видят, что любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем миром, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость.

Когда воин научится видеть, он увидит, что человек — это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?

Воина никогда не беспокоит его страх. Вместо этого он думает о чудесах видения полей энергии! Все остальное — пустяки, пустые украшения.

Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего человека нужно затягивать на путь хитростью. Найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутылка из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь в ту же минуту, как только в нее наливают воду и появляется давление. Через минуту ее нужно вновь наполнять водой.

Когда человек не имеет отношения к видению, вещи выглядят в основном одними и теми же в то время, когда он смотрит на мир. С другой стороны, когда он научится видеть, ничто не будет выглядеть тем же самым все то время, что он видит эту вещь, хотя она остается той же самой. С точки зрения видящего, человек выглядит как светящееся яйцо. Всякий раз, когда вы видите одного и того же человека, он выглядит как светящееся яйцо, хотя не то же самое светящееся яйцо.

Шаманы Древней Мексики назвали союзниками те необъяснимые силы, которые действовали под их руководством. Они назвали эти силы союзниками, поскольку считали, что могут использовать их так, как им захочется, — эти представления оказались почти смертельными для шаманов, так как те, кого они называли союзниками, представляют собой лишённые телесной оболочки существа, населяющие Вселенную. Современные шаманы называют их неорганическими существами.

Спрашивать, в чем заключается предназначение союзников, — все равно что задавать вопрос о смысле деятельности человека в этом мире. Мы существуем, вот и все. Подобно нам, союзники тоже существуют — и, возможно, они появились здесь задолго до нас.

Быть воином — это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и колебания. Впереди — еще миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это — путь воина.

Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти. Мысль о смерти — единственное, что способно закалить наш дух.

Смерть находится везде. Она может принять вид зажженных фар машины, которая въезжает на холм позади нас. Она может оставаться видимой некоторое время, а потом исчезнуть в темноте, как если бы она покинула нас на время, но она опять появляется на следующем холме, чтобы потом исчезнуть вновь.

Это огни на голове смерти. Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. Эти огни она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет...

Воин должен прежде всего знать, что его действия бесполезны, но он должен выполнять их, как если бы он не знал об этом. Это то, что шаманы называют контролируемой глупостью.

Глаза человека предназначены для выполнения двух функций: одна из них — видеть энергетические потоки Вселенной, а другая — «смотреть на вещи в этом мире». Ни одна из них не является лучше или важнее другой, но тренировать глаза только для смотрения — это постыдная и бессмысленная потеря.

Воин живет действием, а не думанием о действии или думанием о том, что он будет думать, когда закончит действовать.

Воин выбирает путь с сердцем и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеется; когда он видит, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро; он знает, что он, как любой другой, не идет никуда; и он знает, что ничто не является более важным, чем что-то другое.

У воина нет ни чести, ни достоинства, ни семьи, ни имени, ни родины. Есть только жизнь, которую нужно прожить. В таких условиях контролируемая глупость — единственное, что может связывать его с ближними.

Ничто не имеет особого значения, поэтому воин просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Его контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что все это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, воин возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было его действие или плохим, удалось ли его завершить — до этого ему нет никакого дела.

Воин может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведет себя так, словно эта пассивность реально имеет для него значение. Он прав и в этом случае, потому что и это тоже контролируемая глупость.

В жизни воина не может быть пустоты. Его жизнь заполнена до краев. Все заполнено до краев, и все равнозначно. Для него нет ни побед, ни поражений, ни пустоты. Все заполнено до краев и все равно, и его борьба стоит его усилий.

Обычный человек слишком озабочен тем, чтобы любить людей, и тем, чтобы его любили. Воин любит, и все. Он любит всех, кто ему нравится, и все, что ему по душе, но он использует свою контролируемую глупость, чтобы не беспокоиться об этом. Что полностью противоположно тому, чем занимается обычный человек. Любить людей или быть любимым ими — это еще далеко не все, что доступно человеку.

Воин принимает ответственность за все свои действия, даже за самые пустяковые. Обычный человек занят своими мыслями и никогда не принимает ответственности за то, что он делает.

Обычный человек является либо победителем, либо побежденным и, в соответствии с этим, становится преследователем или жертвой. Эти два состояния превалируют у всех, кто не видит. Видение рассеивает иллюзию победы, поражения или страдания.

Воин знает о своем ожидании и знает, чего он ждет. Когда он ждет, у него нет желаний, и поэтому, какую бы малость он ни получил, это всегда больше, чем он может взять. Если он хочет есть, то справится с этим, потому что не страдает от голода. Если он ранен, то справится с этим, потому что не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что человек — не воин, и сила голода или боли может разрушить его.

Самоограничение — самый худший и самый злостный вид индальгирования. Поступая подобным образом, мы заставляем себя верить, что совершаем нечто значительное, чуть ли не подвиг, а в действительности только еще больше углубляемся в самолюбование, давая пищу самолюбию и чувству собственной важности.

То, что воин называет волей, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Воля — это то, что заставляет воина побеждать, когда его рассудок говорит ему, что он повержен. Воля — это то, что делает его неуязвимым. Воля — это то, что позволяет

шаману пройти сквозь стену, сквозь пространство, в бесконечность.

Когда человек выбирает путь воина, он становится полностью бодрствующим, в полной мере осознавая, что обычная жизнь навсегда оставлена позади. Средства обычного мира больше не являются для него щитами, и он должен выбрать новый способ жизни, если он хочет выжить.

К тому моменту, когда человек осознает устрашающую природу знания, он осознает и то, что смерть на этом пути — верный попутчик, незаменимый партнер, который всегда рядом. Смерть является главным фактором, превращающим знание в энергию, в реальную силу. Прикосновением смерти завершается все, и все, чего она коснулась, становится Силой.

Только принятие идеи смерти может дать воину отрешенность, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться. Он знает, что смерть следует за ним по пятам и не даст ему времени ни за что зацепиться, поэтому он пробует все, ни к чему не привязываясь.

Мы — люди, и наша судьба, наше предназначение — учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров. Воин, научившийся видеть, узнает, что непознанным мирам нет числа и что все они — здесь, перед нами.

«Смерть — это вращение; смерть — это сияющее облачко над горизонтом; смерть — это мой разговор с тобой; смерть — это ты и твои записи в блокноте; смерть — это ничто. Ничто! Она здесь, хотя ее нет здесь вообще».

Дух воина не привязан ни к индугированию, ни к жалобам, как не привязан он ни к победам, ни к поражениям. Единственная привязанность воина — битва, и каждая битва, которую он ведет, — его последняя битва на этой земле. Поэтому исход ее для него практически не имеет значения. В этой последней битве воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он ведет эту битву, он знает, что воля его безупречна. И поэтому он смеется и смеется.

Мы непрерывно разговариваем с собой о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир своим внутренним диалогом. Когда мы перестаем разговаривать с собой, мир становится таким, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним диалогом. И не только это. Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе. Так мы повторяем тот же самый выбор еще и еще, до тех пор, пока не умрем. Потому что мы продолжаем все тот же внутренний диалог. Воин осознает это и стремится прекратить свой внутренний диалог.

Мир — это все, что заключено здесь. Жизнь, смерть, люди и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен и непостижим. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть, — чудесной загадкой.

Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости.

КОММЕНТАРИИ

В высказываниях из «Отдельной реальности» начинается с примечательной ясностью

проявляться то настроение, с каким шаманы Древней Мексики относились ко всем своим усилиям, связанным с намерением. Рассказывая о древних шаманах, сам дон Хуан подчеркивал, что чрезвычайно интересным для современных практиков аспектом того мира было острое, как бритва, осознание, которое шаманы древности развили в отношении всеобщей силы под названием намерение. Они поясняли, что связь каждого из тех людей с этой силой была настолько чистой и четкой, что они могли в свое удовольствие влиять на все вокруг. Дон Хуан говорил, что намерение тех шаманов, доведенное до такой отточенной глубины, было единственной помощью, какая только существовала у современных практиков. Он выразил это обыденными словами, сказав, что если бы современные практики были честными перед самими собой, то заплатили бы любую цену за то, чтобы иметь возможность жить под зонтиком такого намерения.

Дон Хуан утверждал, что каждый, кто проявляет хотя бы легкий интерес к миру шаманов древности, незамедлительно втягивается в круг их острого, как бритва, намерения. Для дон Хуана их намерение было чем-то столь неизмеримым, что ни один из нас не способен с этим бороться. Кроме того, он рассудительно говорил, что с таким намерением не нужно бороться, так как это единственное, что следует принимать в расчет; оно было сущностью мира тех шаманов — мира, к которому современные практики стремятся больше, чем к чему-либо иному, что только можно вообразить.

Настроение высказываний из «Отдельной реальности» создано вовсе не моим собственным намерением. Это настроение проявилось независимо от моих целей и желаний. Можно сказать, что оно оказалось совершенно противоположным моим замыслам. Скрытый в тексте книги загадочный виток колеса времени внезапно пришел в движение и проявился в состоянии напряженности — того напряжения, которое определило направление моих усилий.

Если говорить о моих ощущениях в то время, когда я писал «Отдельную реальность», то я могу правдиво утверждать, что считал себя счастливым, погруженным в антропологическую полевую работу, так что мои чувства и мысли были настолько далеки от мира шаманов древности, насколько это вообще возможно. У дон Хуана было иное мнение. Будучи закаленным воином, он знал, что я едва ли смогу освободиться от магнетической тяги намерения, созданного теми шаманами. Я погружался в него независимо от своего желания и от того, верил в него или нет.

Такое положение дел вызвало у меня подсознательную тревогу. Это было не то беспокойство, какое можно было бы определить или выявить — его трудно было даже осознать. Оно пронизывало все мои поступки, не предоставляя мне никакой возможности осознанно поразмыслить о нем. Могу лишь сказать, что я был смертельно напуган, хотя не смог бы объяснить, чего именно боюсь.

Я много раз пытался проанализировать это ощущение страха, но мгновенно начинал испытывать утомление и усталость. Я сразу понимал, что мои вопросы к самому себе безосновательны и излишни, в результате чего прекращал попытки анализа. Я обратился к дону Хуану с вопросами о моем состоянии, желая получить от него совет и поддержку.

— Ты просто боишься, — сказал он. — Вот и все. Не пытайся определить загадочные причины своего страха. Загадочная причина находится прямо перед тобой, в пределах досягаемости — это намерение шаманов Древней Мексики. Ты имеешь дело с их миром, и этот мир время от времени показывает тебе свое лицо. Разумеется, тебе трудно выдержать такое зрелище. Впрочем, временами это трудно и для меня. Любому из нас тяжело его выдержать.

— Ты говоришь загадками, дон Хуан.

— Да, пока это кажется загадкой. Когда-нибудь ты все поймешь. Сейчас просто глупо пытаться говорить об этом или что-то объяснять. Все, что я попробую объяснить тебе, будет лишено смысла. В данный момент какие-нибудь непостижимые банальности показались бы тебе бесконечно более осмысленными.

Он был совершенно прав. Причиной всех моих страхов действительно была одна банальность, которой я стыдился тогда и стыжусь сейчас, — я боялся одержимости демонами. Этот страх возник у меня еще в детстве: все необъяснимое, разумеется, становилось чем-то злым и пагубным, что стремилось погубить меня.

Чем пикантнее становились пояснения дон Хуана, связанные с миром древних шаманов, тем острее становилось мое ощущение необходимости защитить себя. Это чувство невозможно было выразить словами. Это была не просто потребность защититься; скорее, это было желание уберечь достоверность и неоспоримую ценность того мира, в котором живут человеческие существа. Единственным знакомым мне миром был мой мир. Если он подвергался опасности, у меня немедленно возникала реакция — она проявлялась в том особом страхе, который я никогда не смогу объяснить. Он был похож на тот страх, какой, должно быть, испытывает человек при попытке объять собственную беспредельность. Это не

был страх смерти или увечья — нет, нечто неизмеримо более глубокое. Он был настолько глубок, что любой шаман-практик запутался бы при любой попытке осмыслить его.

— Ты окольным путем пришел прямо к понятию воина, — сказал дон Хуан.

В то время он уделял концепции воина бесконечное внимание. Он говорил, что воин, разумеется, представляет собой нечто большее, чем просто принцип. Это образ жизни; этот образ жизни является единственным средством, сдерживающим страх, и единственным каналом, с помощью которого практик может обеспечить свободное течение своей деятельности. Без концепции воина было бы невозможно преодолеть все камни преткновения на пути знания.

Дон Хуан определял воина прежде всего как бойца. Это особое настроение, которому способствует намерение шаманов древности, и любой человек способен перейти к этому настроению.

— Намерение тех шаманов, — говорил дон Хуан, — было таким отточенным, таким мощным, что уплотняло структуру воина, хотя сам практик мог об этом даже не подозревать.

Коротко говоря, для шаманов Древней Мексики воин был настолько согласованной с протекающей вокруг него битвой, настолько бдительной боевой единицей, что в его чистейшей форме воину не нужно было ничего лишнего для того, чтобы выжить. Не было необходимости делать воину какие-либо подарки, ободрять его словами или действиями или пытаться утешать и воодушевлять его — все это уже встроено в структуру самого воина. Поскольку эта структура определялась намерением шаманов Древней Мексики, они заранее позаботились о том, чтобы в нее вошло все, что только может понадобиться. Окончательным результатом стал боец, сражающийся в одиночестве и обеспеченный в рамках его безмолвных убеждений всеми побудительными силами, необходимыми для продвижения вперед без жалоб и потребности в одобрении.

Лично мне концепция воина показалась захватывающей — и, одновременно, одной из самых пугающих, с какими я когда-либо сталкивался. Я считал, что, если приму этот принцип, то он обратит меня в слепое подчинение, не оставив ни времени, ни возможности осмотреться, возразить или выразить недовольство. Высказывание жалоб было привычкой всей моей жизни, и, честно говоря, я готов был бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить ее. Я считал высказывание недовольства признаком чувствительного, смелого и честного человека, не испытывающего колебаний при выражении своих убеждений, симпатий и антипатий. Если всему этому предстояло превратиться в боевую единицу, то я потерял бы больше, чем мог себе позволить.

Таковыми были мои невысказанные мысли. И все же я завидовал целеустремленности, спокойствию и безупречности воина. Одним из величайших средств, которыми воспользовались шаманы Древней Мексики для укрепления концепции воина, была идея отношения к смерти как к спутнику, наблюдающему за нашими поступками. Дон Хуан говорил, что, как только человек принимает этот принцип — пусть даже в самой мягкой форме, -- возникает мост над пропастью, разделяющей наш мир повседневных занятий, и то, что находится впереди, но не имеет названия — то, что теряется в тумане и кажется несуществующим. Это нечто настолько неясно, что его нельзя использовать как точку отсчета, и все же оно есть, оно бесспорно существует.

Дон Хуан утверждал, что единственным существом на земле, способным пересечь этот мост, является воин: безмолвный в своей борьбе; неукротимый, так как ему нечего терять; работоспособный и действенный, так как ему предстоит обрести все.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ В ИКСТЛАН»

Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все что угодно. В любое время. Мгновенно.

Человек не должен беспокоиться о том, чтобы сделать фотографии или магнитофонные записи. Все это излишества спокойной жизни. Во всем, что мы делаем, по-настоящему необходимо лишь одно — «дух». Человек должен беспокоиться лишь о духе, который убывает.

Воин не нуждается в личной истории. В один прекрасный день он обнаруживает, что в ней

нет никакой нужды, и просто избавляется от нее.

«Я собираюсь взять твоего отца в качестве примера, чтобы проиллюстрировать мою точку зрения на личную историю. Твой отец знает о тебе все. Поэтому ты для него — как раскрытая книга. Он знает, кто ты такой, что из себя представляешь и чего стоишь. И нет на земле силы, которая могла бы заставить его изменить свое отношение к тебе.

Естественно, такое интимное знание о тебе есть и у всех твоих друзей. У каждого, кто тебя знает, сформировался определенный образ твоей личности. И любым своим действием ты как бы подпитываешь и еще больше фиксируешь этот образ. Личная история постоянно нуждается в том, чтобы ее сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. С другой стороны, для воина, у которого нет личной истории, нет необходимости в объяснениях, его действия не могут никого рассердить или разочаровать, а самое главное — он не связан ничьими мыслями и ожиданиями».

Когда отсутствует какая бы то ни было определенность, мы все время алертны, мы постоянно готовы к прыжку. Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе все давным-давно известно.

Пока человек чувствует, что наиболее важное и значительное явление в мире — это его персона, он никогда не сможет по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно зашоренная лошадь, он не видит в нем ничего, кроме самого себя.

Смерть — наш вечный попутчик. Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки, и смерть — единственный мудрый советчик, который всегда есть у воина. Каждый раз, когда воин чувствует, что все складывается из рук вон плохо и он на грани полного краха, он оборачивается налево и спрашивает у своей смерти, так ли это. И его смерть отвечает, что он ошибается и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Его смерть говорит: «Но я же еще не коснулась тебя!»

Если воин что-то решил, он идет до конца, но при этом он непременно принимает на себя ответственность за то, что он делает. Что именно воин делает — значения не имеет, но он должен знать, зачем он это делает, и действовать без сомнений и сожалений.

В мире, где за каждым охотится смерть, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь на то, чтобы принимать решения, и не важно, в чем будут заключаться эти решения. Ничто не является более или менее серьезным и важным, чем что-то другое. В мире, где смерть — это охотник, нет больших или малых решений. Единственное решение заключается в том, что воин должен встретиться лицом к лицу со своей неотвратимой смертью.

Воин должен учиться быть доступным и недоступным на поворотах пути. Для воина бессмысленно непреднамеренно оказываться доступным в любое время, точно так же, как совершенно бессмысленно прятаться, когда все вокруг знают, что сейчас он прячется.

Для воина быть недоступным — значит прикоснуться к окружающему его миру бережно. Съесть не пять перепелов, а одного. Не калечить растения лишь для того, чтобы сделать жаровню. Не подставляться без необходимости силе ветра. И, превыше всего, — ни в коем случае не истощать себя и других. Не пользоваться людьми, не выжимать из них все до последней капли, особенно из тех, кого любишь.

Беспокойство неизбежно делает человека доступным, он непроизвольно раскрывается. Тревога заставляет его в отчаянии цепляться за что попало, а зацепившись, он уже обязан истощить либо себя, либо то, за что зацепился. Охотник-воин, с другой стороны, знает, что в

его ловушки еще не раз попадет дичь, поэтому он не беспокоится. Беспокоиться — это значит становиться доступным, неосознанно доступным.

Быть недоступным — вовсе не означает прятаться или скрываться. И не означает, что нельзя иметь дело с людьми. Охотник-воин недоступен потому, что не выжимает из своего мира все до последней капли. Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов.

Быть воином-охотником — значит не просто ставить ловушки. Охотник добывает дичь не потому, что устанавливает ловушки, и не потому, что знает распорядки своей добычи, но потому, что сам не имеет никаких распорядков. И в этом — его единственное решающее преимущество. Охотник не уподобляется тем, на кого он охотится. Они скованы жесткими распорядками, путают след по строго определенной программе, и все причуды их легко предсказуемы. Охотник же свободен, текуч и непредсказуем.

Для обычного человека мир кажется странным своим свойством либо нагонять скуку, либо быть с ним не в ладах. Для воина мир странен, потому что он огромен, устрашающ, таинствен, непостижим. Воин должен с полной ответственностью отнестись к своему пребыванию здесь — в этом чудесном мире, сейчас — в это чудесное время.

Воин должен научиться отдавать себе отчет в каждом действии, сделать каждое действие осознанным. Ведь мы пришли сюда ненадолго, и времени, которое нам отпущено, слишком мало, действительно слишком мало для того, чтобы прикоснуться ко всем чудесам этого странного мира.

Поступки обладают силой. Особенно когда тот, кто их совершает, знает, что это — его последняя битва. В действии с полным осознанием того, что это действие может стать для тебя последней битвой на земле, есть особое всепоглощающее счастье.

Воин должен сосредоточить внимание на связующем звене между ним и его смертью, отбросив сожаление, печаль и тревогу. Сосредоточить внимание на том факте, что у него нет времени. И действовать соответственно этому знанию. Каждое из его действий становится его последней битвой на земле. Только в этом случае каждый его поступок будет обладать силой. А иначе все, что человек делает в своей жизни, так и останется действиями глупца.

«Смерть ожидает нас, и то, что мы делаем в этот самый миг, вполне может стать нашей последней битвой на этой земле. Я называю это битвой, потому что это — борьба. Подавляющее большинство людей переходит от действия к действию без борьбы и без мыслей. Воин-охотник же, наоборот, тщательно взвешивает каждый свой поступок. И поскольку он очень близко знаком со своей смертью, он действует рассудительно, так, словно каждое его действие — последняя битва. Только дурак может не заметить, насколько воин-охотник превосходит своих ближних — обычных людей. Воин-охотник с должным уважением относится к своей последней битве. И вполне естественно, что последний поступок должен быть самым лучшим. Это доставляет ему удовольствие. И притупляет страх».

Воин — это безупречный охотник, который охотится на силу; он не опьянен и не безумен, у него нет ни времени, ни желания добиваться чего-то обманом, лгать самому себе или совершать неверные действия — ставки слишком высоки. Ставками являются его безупречная и избавленная от излишеств жизнь, которую он так долго укреплял и совершенствовал. Он не собирается отбрасывать это, совершая какие-нибудь глупые просчеты или ошибочно принимая одно за другое.

Человек, любой человек, заслуживает всего, что составляет человеческую судьбу, —

радости, боли, печали и борьбы. Но природа поступков человека не имеет значения, если он действует как подобает воину.

Если дух его разрушен, ему нужно просто укрепить его — очистить и сделать совершенным. Укрепление духа — единственное, ради чего действительно стоит жить. Не действовать ради укрепления духа — значит стремиться к смерти, а стремиться к смерти — значит не стремиться ни к чему вообще, потому что к ней в лапы каждый из нас попадает независимо ни от чего. Стремление к совершенствованию духа воина — единственная задача, достойная нашего времени, достойная нас как человеческих существ.

Нет в мире ничего более трудного, чем принять настроение воина. Бесполезно пребывать в печали и ныть, чувствуя себя вправе этим заниматься, и верить, что кто-то другой что-то делает с нами. Никто ничего не делает ни с кем, и менее всех — с воином.

Воин — прежде всего охотник. Он учитывает все. Это называется контролем. Но, закончив свои расчеты, он действует. Он отпускает поводья рассчитанного действия, и оно совершается как бы само собой. Это — отрешенность. Воин никогда не уподобляется листу, отданному на волю ветра. Никто не может сбить его с пути. Намерение воина непоколебимо, его суждения — окончательны, и никому не под силу заставить его поступать вопреки самому себе. Воин настроен на выживание, и он выживает, выбирая наиболее оптимальный образ действия.

Воин — всего лишь человек, просто человек. Ему не под силу вмешаться в предначертания смерти. Но его безупречный дух, который обрел силу, пройдя сквозь невообразимые трудности, несомненно способен на время остановить смерть. И этого времени достаточно для того, чтобы воин в последний раз насладился воспоминанием о своей силе. Можно сказать, что это — сговор, в который смерть вступает с тем, чей дух безупречен.

Воспитание не имеет никакого значения. То, что определяет наш путь, называется личной силой. Личность человека — это суммарный объем его личной силы. И только этим суммарным объемом определяется то, как он живет и как умирает.

Личная сила — это чувство. Что-то вроде ощущения удачи или счастья. Можно назвать ее настроением. Воин — это охотник за силой. На нее необходимо охотиться и накапливать ее в течение целой жизни борьбы.

Воин действует, как если бы он знал, что он делает, даже когда на самом деле он не знает ничего. Обычный человек по-разному действует в отношении того, что считает правдой, и того, что считает ложью. Воин действует безупречно в обоих случаях.

Воин не испытывает угрызений совести за что-либо содеянное, так как оценивать собственные поступки как низкие, отвратительные или дурные означает приписывать самому себе неоправданную значительность.

Весь смысл заключается в том, чему именно человек уделяет внимание. Мы либо делаем себя жалкими, либо делаем себя сильными — объем затрачиваемых усилий остается одним и тем же.

Люди говорят нам с момента нашего рождения, что мир такой-то и такой-то и все обстоит так-то и так-то. У нас нет выбора. Мы вынуждены принять, что мир именно таков, каким его нам описывают.

Искусство воина состоит в сохранении равновесия между ужасом быть человеком и чудом быть человеком.

КОММЕНТАРИИ

К тому времени, когда я писал «Путешествие в Икстлан», вокруг меня воцарилась самая загадочная атмосфера. Дон Хуан Матус принял в отношении моего повседневного поведения определенные чрезвычайно прагматичные меры. Он очертил некоторые принципы деятельности и хотел, чтобы я неукоснительно следовал им. Он поставил передо мной три задачи, имеющие самое отдаленное отношение к моему миру обыденной жизни — или к какому-либо миру вообще. Он хотел, чтобы в обычной жизни я любыми доступными способами старался стирать свою личную историю. Затем он потребовал, чтобы я отбросил свои привычные действия, а в завершение сказал, что мне нужно расстаться с чувством собственной важности.

— Как мне добиться всего этого, дон Хуан? — спросил я его.

— Не представляю, — ответил он. — Никто из нас не имеет никакого представления о том, как сделать это прагматично и эффективно. И все же, начиная действовать, мы делаем это, даже не понимая, что именно нам помогло.

— Сейчас ты столкнулся с тем же затруднением, с каким в свое время встретился я сам, — продолжал он. — Уверю тебя, что это затруднение вызвано полным отсутствием в нашей жизни представления о том, что заставляет нас меняться. Когда учитель поставил передо мной эту задачу, мне потребовалось для ее решения только одно: понимание того, что это можно сделать. Как только я понял это, у меня все получилось — сам не знаю, как именно. Я бы посоветовал тебе поступить точно так же.

Я принялся высказывать самые надуманные жалобы, ссылаясь на то, что занимаюсь изучением общественных наук и привык к обоснованным практическим указаниям, которые опираются на практические методы, а не на нечто туманное и основанное на магических приемах.

— Говори, что хочешь, — смеясь, ответил дон Хуан, — а когда твой поток жалоб иссякнет, забудь о сомнениях и делай то, о чем я тебя попросил.

Дон Хуан был прав. Все, что было необходимо мне — вернее, все, что было неявно необходимо какой-то загадочной части меня, — уловить саму идею. Тому «я», которого я знал всю свою жизнь, было нужно нечто намного большее, чем просто идея: ему требовалась подготовка, понукания и руководство. Однако успехи настолько заинтриговали меня, что выполнение задачи стирания привычных действий, потери чувства собственной важности и отказа от личной истории превратились в подлинное удовольствие.

— Ты стоишь прямо перед путем воинов, — походя сказал дон Хуан, поясняя мне эти таинственные успехи.

Он медленно и методично направлял мою осознанность ко все более сильной сосредоточенности на абстрактном уточнении той концепции воина, которую называл путем воинов. Он объяснил, что путь воинов представляет собой совокупность идей, утвержденных шаманами Древней Мексики. Они выстроили эту структуру благодаря своей способности видеть энергию так, как она течет во Вселенной. Таким образом, путь воинов представлял собой наиболее гармоничное сочетание энергетических фактов — несократимых истин, определяемых исключительно направлением течения энергии во Вселенной. Дон Хуан категорически заявлял, что в пути воинов нет ничего такого, что можно было бы оспорить или изменить. Он являлся единственной в своем роде совершенной структурой, и любой, кто следовал по этому пути, овладевал энергетическими фактами, не допускающими ни возражений, ни рассуждений в отношении их действительности и значимости.

Дон Хуан сказал, что шаманы древности называли эту структуру путем воинов, так как она охватывала все яркие возможности, с которыми воин может столкнуться на пути знания. В своих поисках таких возможностей эти шаманы были чрезвычайно внимательными и методичными. По словам дон Хуана, они действительно были способны включить в свои абстрактные построения все, что в человеческих силах.

Дон Хуан сравнил путь воинов с величественным сооружением, любой элемент которого является опорным; единственная функция каждого элемента заключается в том, чтобы поддержать душу воина в его роли инициированного шамана и сделать его движения легкими и исполненными значения. Он недвусмысленно заявил, что путь воинов был жизненно важным построением, без которого новообращенные шаманы затерялись бы в беспредельности Вселенной.

Дон Хуан назвал путь воинов венцом славы шаманов Древней Мексики. Он считал его их важнейшим вкладом, самой сутью их трезвости.

— Неужели путь воинов так невероятно важен, дон Хуан? — однажды спросил его я.

— «Невероятно важен» — это просто слова. Путь воинов — это все. Это воплощение умственного и физического здоровья. Я не могу объяснить этого иначе. То, что шаманы Древней Мексики создали такое построение, означает для меня, что они находились на вершине своего могущества, на пике счастья, в высшей точке радости.

На том уровне прагматического согласия или отрицания, на который, как мне казалось, я опустился в то время, точное и беспристрастное приятие пути воина было для меня совершенно невозможным. Чем больше дон Хуан рассказывал о пути воинов, тем сильнее становилось мое ощущение того, что в действительности он просто пытается окончательно вывести меня из равновесия.

Таким образом, руководство дона Хуана было скрытым. Оно проявлялось в колоссальной ясности, однако, хотя я сам того не осознавал, изречениями из «Путешествия в Икстлан» дон Хуан стремительно подталкивал меня вперед, разгонял до огромной скорости, стоял у меня над душой. Время от времени я считал, что либо уже оказался на грани настоящего согласия с существованием иной системы познания, либо был настолько равнодушен к происходящему, что не заботился о том, каким именно образом это происходит.

Разумеется, я в любой миг мог уйти от всего этого, но это было бы неразумно. То ли опека дона Хуана, то ли интенсивное применение концепции воина каким-то образом укрепили меня до такой степени, что я уже не испытывал прежнего страха. Я оказался в ловушке, но на самом деле это уже не имело никакого значения. Я понимал только то, что останусь рядом с доном Хуаном.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «СКАЗОК О СИЛЕ»

Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека — это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин рассчитывает только на себя. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина — это безупречность в поступках и чувствах. Обычный человек цепляется за подобного себе человека, воин цепляется за бесконечность.

Есть множество вещей, которые воин может делать в определенное время, из тех, которые несколько лет назад показались бы ему безумием. Сами по себе эти вещи не изменились, изменилось его представление о себе. Невозможное тогда стало вполне возможным сейчас.

Единственно возможный для воина курс — это действовать неуклонно, не оставляя места для отступления. Он достаточно знает о пути воина, чтобы поступать должным образом, но его старые привычки и повседневная рутина жизни могут препятствовать ему на его пути.

Если воин в чем-то добивается успеха, то этот успех должен приходить мягко, пусть даже с огромными усилиями, но без потрясений и навязчивых идей.

Именно внутренний диалог прижимает к земле людей в повседневной жизни. Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий. Вход в мир шаманов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог.

Ключом к шаманизму является изменение нашей идеи мира. Остановка внутреннего диалога — единственный путь к этому. Все остальное — просто разговоры. Все, что бы вы ни сделали, за исключением остановки внутреннего диалога, ничего не сможет изменить ни в вас самих, ни в вашей идее мира.

Главная помеха для воина — внутренний диалог: это ключ ко всему. Когда воин научится

останавливать его, все становится возможным. Самые невероятные проекты становятся выполнимыми.

Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожаления, а как живой вызов.

Смирение воина и смирение нищего — невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не опускает голову, но в то же время он никому не позволяет опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним.

Утешение, небеса, страх — все это слова, которые создают настроения, которым человек учится, даже не спрашивая об их ценности. Так черные маги завладевают его преданностью.

Окружающие нас люди являются черными магами. И тот, кто с ними, тот тоже черный маг. Задумайтесь на секунду. Можете ли вы уклониться от тропы, которую для вас проложили ваши близкие? Нет. Ваши мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. Воин, с другой стороны, свободен от всего этого. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойтесь своих тюремщиков, своих учителей. Истратьте времени и сил, боясь свободы.

Слабая сторона слов в том, что они заставляют нас чувствовать себя осведомленными, но когда мы оборачиваемся, чтобы взглянуть на мир, они всегда предают нас, и мы опять смотрим на мир как обычно, без всякого просветления. Поэтому воин предпочитает действовать, а не говорить. В результате он получает новое описание мира, в котором разговоры не столь важны, а новые поступки имеют новые отражения.

Воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Знание — это наиболее пугающая вещь, особенно для воина. Но если воин однажды принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает саму возможность ужасаться. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

Знание приходит, летя, как крупницы золотой пыли, той самой пыльцы, которая покрывает крылья бабочек. Так что для воина знание похоже на ливень, на пребывание под дождем из крупниц темно-золотой пыли.

Всегда, когда прекращается внутренний диалог, мир разрушается, и на поверхность выходят незнакомые грани нас самих, как если бы до этого они содержались под усиленной охраной наших слов.

Мир неизмерим. Как и мы, как и каждое существо, которое есть в этом мире.

Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головами о стены, а потому, что берут их. Воины прыгают через стены; они не разрушают их.

Воин должен культивировать чувство, что у него есть все необходимое для этого экстравагантного путешествия, которым является его жизнь. В случае воина все, что для

этого нужно, — это быть живым. Жизнь — это маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет.

Понимая это, воин живет соответственно. Поэтому можно смело сказать, что опыт всех опытов — это быть живым.

Обычный человек считает, что индальгировать в сомнениях и колебаниях — это признак чувствительности и духовности. Правда состоит в том, что обычный человек очень далек от того, чтобы быть чувствительным. Он обманывает себя не намеренно, но его маленький разум превращает себя в чудовище или святого, но на самом деле он слишком мал для такой большой формы, какую заполняет чудовище или святой.

Быть воином — это не значит просто желать им быть. Это, скорее, бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента. Никто не рождается воином, точно так же, как никто не рождается обычным человеком. Мы сами себя делаем тем или другим.

Воин умирает трудным способом. Его смерть должна бороться с ним. Воин не отдается смерти так просто.

x x x

Человеческие существа — это не объекты. Они — круглые, светящиеся существа, не объекты, а чистое осознание, не имеющее ни плотности, ни границ. Представление о плотном мире лишь облегчает наше путешествие на земле, это описание, созданное нами для удобства, но не более.

Наш разум заставляет нас забыть, что описание — это только описание, и, прежде чем осознать это, человеческие существа сами заключают себя в заколдованный круг, из которого они редко вырываются в течение отпущенного им времени жизни.

Люди — воспринимающие существа. Однако воспринимаемый ими мир является иллюзией — иллюзией, созданной описанием, которое им внушали с момента, когда они появились на свет.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть разум и его компаньон, речь. Именно они, столкнувшись между собой, и состряпали этот мир при помощи описания и его догматических и незыблемых правил, а теперь поддерживают его.

Секрет светящихся существ заключается в том, что у них есть кое-что такое, что почти никогда не используется, — воля. Уловка шаманов — это та же уловка обычного человека. У обоих есть описание мира. Обычный человек поддерживает свое при помощи разума, а шаман — при помощи воли. Оба описания имеют свои законы, и эти законы поддаются восприятию. Но описание шамана гласит, что воля более всеобъемлюща, чем разум.

Воин позволяет себе воспринимать и поддерживать оба описания — мира разума и мира воли. Это единственный способ использовать повседневный мир как вызов и как средство накопить достаточно личной силы для обретения целостности самого себя.

Только воин может выстоять на пути знания. Воин не жалуется и ни о чем не сожалеет. Его жизнь — бесконечный вызов, а вызовы не могут быть плохими или хорошими. Вызовы — это просто вызовы.

Основное различие между воином и обычным человеком заключается в том, что воин все принимает как вызов, тогда как обычный человек принимает все как благословение или проклятие.

Воин должен быть текучим и изменяться в гармонии с окружающим миром, будь это мир разума или мир воли. Реальная опасность для воина возникает тогда, когда выясняется, что мир — это ни то и ни другое. Считается, что единственный выход из этой критической ситуации — продолжать действовать так, как если бы ты верил. Секрет воина в том, что он верит, не веря. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это по собственному выбору. Воин не верит, воин должен верить.

Смерть — это необходимая добавка к «должен верить». Без осознания смерти все становится обычным, незначительным. Мир потому и является неизмеримой загадкой, что смерть постоянно выслеживает нас. Без осознания присутствия нашей смерти нет ни силы, ни тайны. Долг верить, что мир таинствен и непостижим, — это выражение самого глубокого предрасположения воина.

Сила всегда открывает воину кубический сантиметр шанса. Искусство воина состоит в том, чтобы быть непрерывно текучим, иначе он не успеет ухватиться за этот шанс.

Обычный человек привык осознавать только то, что считает важным для себя. Но настоящий воин должен осознавать все и всегда.

Целостность самого себя — очень таинственное дело. Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Шаман задается вопросом: если мы умираем с целостностью самих себя, то почему бы тогда не жить с ней?

Для воина главнейшим правилом в жизни является выполнять свои решения столь тщательно, что ничто, случившееся в результате его действий, не может его удивить и уж тем более — истощить его силы.

Когда воин принимает решение, он должен быть готов к смерти. Если он готов умереть, то не будет никаких ловушек, никаких неприятных сюрпризов и никаких ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что он не ожидает ничего.

Воин, как учитель, прежде всего, должен обучить своего ученика одной возможности — способности действовать, не веря, не ожидая наград. Действовать только ради самого действия. Успех дела учителя зависит от того, насколько хорошо и насколько грамотно он ведет своего ученика именно в этом особом направлении.

В помощь стиранию личной истории воин, как учитель, должен обучить своего ученика трем техникам. Они заключаются в избавлении от чувства собственной важности, принятии ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика. Без благоприятного эффекта этих техник стирание личной истории может вызвать в ученике неустойчивость, ненужную и вредную двойственность относительно самого себя и своих поступков.

Нет никакого способа избавиться от жалости к самому себе, освободиться от нее с пользой. Она занимает определенное место и имеет определенный характер в жизни обычного человека — определенный фасад, который видно издали. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к самому себе становится активной. Такова ее история. Если человек меняет фасад жалости к самому себе, то он убирает и ее выдающееся положение. Фасады изменяют, изменяя использование элементов самого фасада. Жалость к

себе полезна для того, кто ею пользуется, потому что он чувствует свою важность и считает, что заслуживает лучших условий, лучшего обращения. Она еще и потому имеет значение, что человек не хочет принимать ответственность за поступки, которые побуждают его жалеть самого себя.

Изменение фасадов жалости к себе означает только то, что воин переносит прежде важные составляющие на второй план. Жалость к самому себе по-прежнему остается чертой его характера, однако теперь она занимает место на заднем плане — подобно тому, как представления о надвигающейся смерти, о смирении воина или об ответственности за свои поступки когда-то тоже существовали на заднем плане и никак не использовались до тех пор, пока воин не стал воином.

Воин признает свою боль, но не indulgiрует в ней. Поэтому настроение воина, который входит в неизвестность, — это не печаль. Напротив, он весел, потому что он чувствует смирение перед своей удачей, уверенность в том, что его дух неуязвим, и, превыше всего, полное осознание своей эффективности. Радость воина исходит из его признания своей судьбы и его правдивой оценки того, что лежит перед ним.

КОММЕНТАРИИ

«Сказки о силе» отмечают мой полный провал. В то время, когда происходили описанные в этой книге события, я страдал от тяжелого эмоционального сдвига, переломного момента воина. Дон Хуан Матус покинул этот мир, оставив в нем четырех своих учеников. Дон Хуан использовал ко всем личный подход и поставил перед каждым свою задачу. Я считал эту задачу неким плацебо, не имеющим никакого значения в сравнении с тяжестью нашей потери.

Никакие надуманные задачи не могли смягчить горечь от ощущения того, что нам никогда уже не увидать дон Хуана. Моей первой просьбой к дону Хуану, разумеется, стали слова о том, что я хотел бы отправиться вместе с ним.

— Ты еще не готов, — сказал он. — Будь реалистичен.

— Но я мог бы подготовиться в мановение ока, — заверил его я.

— Не сомневаюсь. Если ты и будешь готов, то только не для меня. Мне требуется совершенная действенность. Мне нужны безупречная воля, безупречная дисциплинированность. Этого у тебя еще нет. Они появятся, ты двинешься к ним, но сейчас их у тебя еще нет.

— Но ведь ты смог бы забрать меня с собой, дон Хуан — даже если я еще не готов и не совершенен.

— Думаю, да, но я не стану этого делать. Это оказалось бы для тебя постыдным расточительством. Поверь мне, ты потерял бы все. Не настаивай. Назойливость не относится к миру воинов.

Этого заявления было достаточно, чтобы я прекратил свои просьбы. Однако внутренне я с тоской желал уйти вместе с ним, выйти за пределы всего, что я знал и считал нормальным и реальным.

Когда наступил тот миг, когда дон Хуан окончательно покидал этот мир, он превратился в какую-то разноцветную газообразную светимость. Он стал чистой энергией, свободно текущей во Вселенной. В тот момент мое ощущение потери стало таким нестерпимым, что мне захотелось умереть. Я позабыл обо всем, что говорил дон Хуан, и без малейших колебаний решил броситься в пропасть. Я рассчитывал, что если сделаю это, то в миг смерти дон Хуан обязан будет взять меня с собой и спасти хотя бы те крохи осознания, что во мне остались.

Однако по каким-то причинам, необъяснимым как с точки зрения убеждений моей обычной системы познания, так и с позиции системы познания мира шаманов, я не погиб. Я остался один в мире повседневной жизни, а три мои когорты рассеялись по всему миру. Я стал незнакомцем для самого себя, и это сделало мое одиночество еще более горьким.

Я считал себя неким провокатором, каким-то шпионом, которого дон Хуан по неясным соображениям оставил здесь после себя. Высказывания из книги «Сказки о силе» показывают неведомое качество этого мира — не мира шаманов, а мира обыденной жизни, которая, по словам дон Хуана, так же загадочна и богата, как и все остальное. Чтобы насладиться чудесами мира повседневной жизни, нужно только одно: достаточная

отрешенность. Однако еще больше отрешенности нам необходимы достаточные страсть и отрешенность.

— Чтобы этот мир, который кажется таким банальным, смог распахнуться и явить нам свои чудеса, воин должен любить его, — предупреждал меня дон Хуан.

Когда он произнес эти слова, мы находились в пустыне Соноры.

— Быть в этой дивной пустыне и смотреть на эти изрезанные пики ненастоящих гор, которые на самом деле созданы потоками лавы давно исчезнувших вулканов, — это очень тонкое ощущение, — говорил он. — Замечать, что некоторые из кусков обсидиана возникли при таких высоких температурах, что на них еще сохранились признаки их происхождения, — это славное чувство. В них полно силы. Бесцельно бродить среди этих изрезанных вершин и находить те куски кварца, что способны ловить радиоволны, — вот что замечательно. Единственным недостатком этого величественного пейзажа является то, что переход к чудесам этого мира — к чудесам любого мира, — требует, чтобы человек был воином: молчаливым, собранным, отрешенным, закаленным под натиском непознанного. Ты еще недостаточно закален, и потому твой долг заключается в поиске полноты — только после этого ты можешь говорить о путешествии в Бесконечность.

Тридцать пять лет своей жизни я провел, добиваясь зрелости воина. В поисках этого ощущения закаленности под натиском непознанного я посетил места, не поддающиеся никаким описаниям. Я уходил туда незаметно и без приглашения, и точно так же возвращался назад. Воины действуют бесшумно и одиноко, и, когда воины уходят или возвращаются, они делают это так незаметно, что никто об этом не знает. Добиваться зрелости воина иным путем означало бы действовать напоказ, и потому это недопустимо.

Изречения из «Сказок о силе» стали для меня самым острым напоминанием о том, что намерение тех шаманов, которые жили в Мексике в древности, по-прежнему безупречно в своем проявлении. Колесо времени неуклонно движется вокруг меня, заставляя всматриваться в те бороздки, которые остаются логически связанными, хотя в их отношении любые слова бессильны.

— Достаточно сказать, — говорил однажды дон Хуан, — что беспредельность этого мира, будь то мир шаманов или обычных людей, настолько очевидна, что только заблуждение не позволяет нам этого заметить. Попытка объяснить заблуждающимся существам, что значит затеряться в бороздках колеса времени, — самое бессмысленное, что только может делать воин. Таким образом, он полностью убеждается, что эти путешествия представляют собой единственную принадлежность его состояния воина.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «ВТОРОГО КОЛЬЦА СИЛЫ»

Человек становится мужественным, когда ему нечего терять. Мы малодушны только тогда, когда есть еще что-то, за что мы можем цепляться.

У воина нет возможности отдавать что бы то ни было на волю случая. Воин реально влияет на результаты событий силой своего осознания и своего несгибаемого намерения.

Если воин хочет отдать долг за все то добро, которое для него сделали, и у него нет возможности сделать это по отношению к конкретному человеку, который когда-то помог ему, он может сделать свой вклад в человеческий дух. Это может быть очень немного, но, сколько бы он ни вложил, этого всегда будет более чем достаточно.

После описания мира в очень прекрасной и просвещенной манере ученый в пять часов уходит домой отдыхать от своих замечательных построений.

Человеческая форма представляет собой существующий во Вселенной и связанный исключительно с человеческими существами конгломерат энергетических полей. Шаманы назвали его человеческой формой, потому что за время жизни человека эти энергетические поля искажаются и контролируются привычками и неверным использованием.

Воин знает, что измениться он не может. Но хотя ему это прекрасно известно, он все же пытается изменить себя. Это единственное преимущество, которое воин имеет перед обыкновенным человеком. Воин не испытывает разочарования, когда, пытаясь измениться, терпит неудачу.

Чтобы вспугнуть человеческую форму и стряхнуть ее, воины должны быть безупречны в своем стремлении измениться. После долгих лет безупречности наступит такой момент, когда человеческая форма уже не может выдержать ее и уходит. Это означает, что придет такой миг, когда энергетические поля, искажавшиеся в течение жизни под влиянием привычек, распрямляются. Несомненно, при таком распрямлении энергетических полей воин испытывает сильное потрясение и даже может погибнуть, однако безупречный воин непременно выживет.

Единственная свобода для воина состоит в том, что он должен быть безупречным. Безупречность является не только свободой, но и единственным способом вспугнуть человеческую форму.

Любой привычке для функционирования необходимы все ее составные части. Если некоторые части отсутствуют, привычка разрушается. Привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы оставаться живой.

Битва происходит именно здесь, на этой земле. Мы — человеческие существа. Кто знает, что ожидает нас и какого рода силу мы можем иметь?

Мир людей поднимается и опускается, и люди поднимаются и опускаются вместе со своим миром. Воинам незачем следовать за подъемами и спусками их ближних.

Ядром нашего существа является акт восприятия, а магической тайной нашего бытия — акт осознания. Восприятие и осознание является обособленной нерасчленимой функциональной единицей.

Мы делаем выбор только один раз. Мы выбираем быть воином или быть обычным человеком. Другого выбора просто не существует. Не на этой земле.

Путь воина приводит человека в новую жизнь, и эта новая жизнь должна быть полностью новой. Он не может вносить в эту новую жизнь свои уродливые старые пути.

Особое значение воины всегда придают первому событию из любой серии событий, так как оно является подлинным знаком. Воины рассматривают такое событие как программу или карту того, что должно произойти впоследствии.

Человеческим существам нравится, когда им говорят, что следует делать, однако еще больше им нравится сопротивляться и не делать того, о чем им говорили. Именно поэтому они прежде всего запутываются в ненависти к тому, кто им советует что-то делать.

Каждый имеет достаточно личной силы для чего угодно. В случае воина фокус состоит в том, чтобы отвернуть свою личную силу от своих слабостей и направить ее к своей цели воина.

Все могут видеть, хотя мы выбираем не помнить, что мы видим.

КОММЕНТАРИИ

Прежде чем я написал «Второе кольцо силы», прошли годы. Дон Хуан давно ушел, и изречения из этой книги представляют собой воспоминания о том, что он когда-то говорил, — воспоминания, вызванные новыми обстоятельствами, новым этапом развития. В моей жизни возник еще один персонаж. Это был член когорты дона Хуана — Флоринда Матус. Все ученики дона Хуана понимали, что после ухода дона Хуана Флоринда по каким-то причинам осталась здесь, чтобы завершить последнюю часть нашей подготовки.

— Ты не достигнешь полноты, пока не научишься без уязвленности принимать распоряжения от женщины, — говорил дон Хуан. — Однако эта женщина не должна быть случайной. Она должна быть особенной, она должна обладать силой и такой безжалостностью, которая не позволит тебе стать той шишкой, которой ты видишь себя в мечтах.

Конечно, я посмеялся над этими словами. Я подумал, что он просто шутит. Однако истина заключалась в том, что он совсем не шутил. Однажды вернулись Флоринда Доннер-Грау и Тайша Абельяр, и мы отправились в Мексику. В Гвадалахаре мы вошли в универсальный магазин и нашли там Флоринду Матус, самую замечательную женщину, какую мне только доводилось видеть: очень высокая, пять футов одиннадцать дюймов ростом, худая, угловатая, с прекрасным и очень молодым, несмотря на возраст, лицом.

— Ага! Вот вы где! — воскликнула она, увидев нас. — Три мушкетера! «Пеп-бойз»: Ини, Мини и Мо! А я вас повсюду ищу!

Без лишних разговоров она взяла руководство в свои руки. Флоринда Доннер-Грау, разумеется, была вне себя от радости. Тайша Абельяр вела себя, по обыкновению, очень сдержанно, а я был обижен, почти разъярен. Я понимал, что такая расстановка не сработает. Я был готов к стычке с этой женщиной с того самого мига, когда она раскрыла свой дерзкий рот и ляпнула всю эту чушь: «"Пеп-бойз": Ини, Мини и Мо».

Однако неожиданные черты, которые были у меня в запасе, пришли мне на помощь и не позволили мне проявить гнев или раздражение, и я прекрасно сошелся с Флориндой — лучше, чем можно было мечтать. Она руководила нами железной рукой. Она стала непререкаемой царицей наших жизней. У нее были сила и отрешенность, позволившие ей на самом тонком уровне провести работу по нашей настройке. Она не позволяла нам впадать в жалость к себе или высказывать жалобы, когда что-то было нам не по нраву. Она была совсем не похожа на дона Хуана. Ей не хватало его трезвости, однако этот недостаток уравновешивался другим качеством: она была невероятно быстрой. Чтобы разобраться в любой ситуации и мгновенно начать делать то, чего от нее ожидали, ей было достаточно одного взгляда.

Одним из ее излюбленных трюков — я получал от него безграничное удовольствие — был сухой, официальный вопрос, обращенный к аудитории или к той группе людей, с которой она разговаривала: «Известно ли кому-то из присутствующих о давлении и вытеснении газов?» Она задавала этот вопрос с совершенно серьезным лицом. После того как аудитория откликнулась возгласами: «Нет! Не известно!», она говорила: «Значит, я могу рассказать то, что считаю нужным?» — и она действительно делала это, то есть «высказывала» все, что считала нужным. Временами она выкидывала такие возмутительные номера, что я катался по полу от смеха.

Другим ее классическим вопросом была фраза: «Известно ли кому-то хоть что-то о сетчатой оболочке у шимпанзе? Нет?» — после этого Флоринда принималась нести всякую чушь о сетчатке шимпанзе. Это был самый счастливый и насыщенный период в моей жизни. Я был ее поклонником и преданным сторонником.

Однажды у меня появился свищ на бедренной кости — результат давнего падения в лощину с колючими кактусами, когда в мое тело впилось около семидесяти пяти иголок. Одна из них то ли не была извлечена полностью, то ли оставила в ране грязь или осколок, что и привело годы спустя к возникновению свища.

— Пустяки, — сказал мой врач. — Это просто гнойник, и его нужно вскрыть. Очень простая операция. Чтобы вычистить его, мне понадобится всего пара минут.

Я посоветовался с Флориндой, и она сказала:

— Ты — нагваль. Ты либо выздоровеешь, либо умрешь. Никакой двусмысленности, никакой раздвоенности в поведении. Если ты, нагваль, идешь к врачу, чтобы он вскрыл тебе свищ, то, похоже, ты потерял свою силу. Нагваль умирает от свища? Какой позор!

Другие ученики дона Хуана, кроме Флоринды Доннер-Грау и Тайши Абельяр, не обращали на Флоринду никакого внимания. Она была для них пугающей фигурой. Она никогда не дала

бы им той свободы, какую они считали своим правом. Она никогда не потакала их притворным играм в шаманизм и прерывала их деятельность всякий раз, когда они отклонялись от пути воинов.

Борьба между учениками описана в тексте «Второго кольца силы» более чем откровенно. Ученики дона Хуана были проигранной ставкой, переполненной вспышками самовлюбленности, во время которых каждый тянул других в своем направлении и подчеркивал собственную значимость.

Все, что происходило в нашей жизни с того момента, случилось под глубоким влиянием Флоринды Матус, хотя она никогда не выходила на первый план. Она всегда оставалась фигурой в тени — мудрой, веселой и безжалостной. Мы с Флориндой Доннер-Грау полюбили ее так, как не любили больше никого; перед своим уходом она оставила Флоринде Доннер-Грау свое имя, драгоценности и деньги, изящество и находчивость. Я чувствовал, что вряд ли когда-нибудь напишу книгу о Флоринде Матус. Единственной, кто мог бы сделать это, является Флоринда Доннер-Грау — ее подлинная наследница, дочь среди дочерей. Я был как Флоринда Матус — только фигура на заднем плане, поставленная туда доном Хуаном, чтобы разрушить одиночество воина и порадоваться моему путешествию по земле.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «ДАРА ОРЛА»

Искусство сновидения — это способность владеть своим обычным сном, переводя его в контролируемое состояние сознания при помощи особой формы внимания, которое называется вниманием сновидения, или вторым вниманием.

Искусство сталкинга — это совокупность приемов и установок, позволяющих находить наилучший выход из любой мыслимой ситуации.

Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их сила, фокусироваться на духе, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных вещах.

Каждый, кто хочет следовать пути воина, должен освободиться от страсти владеть и цепляться за вещи.

Видение является знанием на уровне тела. Ведущая роль зрения воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазами.

Потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает воину свободу помнить себя как конгломерат полей энергии, а это, в свою очередь, делает его еще более свободным.

Воин знает, что он ждет, и он знает, чего он ждет, и, пока он ждет, он насыщает свои глаза миром. Для воина окончательное выполнение его задачи является наслаждением, радостью бесконечности.

Ход жизни воина неизменен. Вызов в том, насколько далеко уйдет он по узкой дороге, насколько безупречным он будет в пределах этих нерушимых границ...

Действия людей не влияют на воина, потому что у него больше нет никаких ожиданий. Станный покой становится руководящей силой его жизни. Он воспринял одну из концепций жизни воина — отрешенность.

Сама по себе отрешенность еще не означает мудрости, тем не менее является преимуществом, позволяя воину мгновенно переоценивать ситуацию и пересматривать свою

позицию. Чтобы пользоваться этим дополнительным преимуществом адекватно и правильно, необходимо, однако, чтобы воин непрестанно сражался на протяжении всей своей жизни.

Я уже отдан силе,
что правит моей судьбой.
Я ни за что не держусь,
поэтому мне нечего защищать.
У меня нет мыслей,
поэтому я увижу.
Я ничего не боюсь,
поэтому я буду помнить себя.
Отрешенный, с легкой душой,
я проскочу мимо Орла,
чтобы стать свободным.

Намного легче двигаться в условиях максимального стресса, чем быть безупречным в обычных обстоятельствах.

Человеческие существа разделены надвое. Правая сторона, которую называют тональ, схватывает все, что может воспринимать интеллект. Левая сторона — нагваль — царство, черты которого неопишуты, мир, который невозможно заключить в слова. Левая часть до какой-то степени воспринимается (если это можно назвать восприятием) всем нашим телом, — отсюда его сопротивление концептуализации.

Все способности, возможности и достижения шаманизма, от самых простых до самых немислимых, заключены в самом человеческом теле.

Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орел или что-то еще, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для видящего она выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

Орел пожирает осознание всех существ, мгновение назад живших на земле, а сейчас мертвых. Они летят к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего хозяина и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла.

Орел — сила, правящая судьбой живых существ, — видит всех этих существ сразу и совершенно одинаково. Поэтому у человека нет никакого способа разжалобить Орла, просить у него милости или надеяться на снисхождение. Человеческая часть Орла слишком мала и незначительна, чтобы затронуть целое.

Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал дар.

По-своему, своими собственными средствами, каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить силу осознания, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть пожранным. Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для того видящего, который видит этот проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание.

Проскочить к свободе не означает вечной жизни в том смысле, как обычно понимается вечность — как непрерывная бесконечная жизнь. Воин просто сохраняет осознание, обычно

распадающееся в момент умирания. В момент перехода тело во всей его полноте озаряется знанием. Каждая клетка мгновенно осознает себя и целостность всего тела.

Дар Орла, свобода, — это не награда, не подарок, это шанс иметь шанс.

Воин никогда не бывает осажденным. Находиться в осаде означает, что имеешь какую-то личную собственность, которую могут подвергнуть осаде. У воина же ничего в мире нет, кроме его безупречности, а безупречности ничто угрожать не может. Однако в битве за собственную жизнь воин должен стратегически использовать все допустимые средства.

Первым принципом искусства сталкинга является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки.

Отбрасывать все лишнее — второй принцип искусства сталкинга. Воин ничего не усложняет. Он нацелен на то, чтобы быть простым.

Всю имеющуюся в его распоряжении сосредоточенность он применяет к решению вопроса о том, вступать или не вступать в битву, так как каждая битва является для него сражением за свою жизнь — это третий принцип искусства сталкинга. Воин должен быть готовым и испытывать желание провести свою последнюю схватку здесь и сейчас. Однако он не делает это беспорядочно.

Воин расслабляется, отходит от самого себя, ничего не боится. Только тогда силы, которые ведут человеческие существа, откроют воину дорогу и помогут ему. Только тогда. Это и есть четвертый принцип искусства сталкинга.

Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с этим делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-то другим. Тут годится все что угодно. Это — пятый принцип искусства сталкинга.

Шестой принцип искусства сталкинга: воин сжимает время, даже мгновения идут в счет. В битве за собственную жизнь секунда — это вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения.

Чтобы применять седьмой принцип искусства сталкинга, необходимо использовать все остальные принципы, — он сводит воедино предыдущие шесть: сталкер никогда не выдвигает себя на первое место. Он всегда выглядывает из-за сцены.

Применение этих принципов приводит к трем результатам. Первый — сталкер обучается никогда не принимать самого себя всерьез, уметь смеяться над собой. Если он не боится выглядеть дураком, он может одурачить кого угодно. Второй — сталкер приобретает бесконечное терпение. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий — сталкер бесконечно расширяет свои способности к импровизациям.

Сталкеры обращены лицом ко времени наступающему. Обычные люди смотрят на время, уходящее от нас. Только воины могут менять направление и поворачиваться лицом к надвигающемуся на нас времени.

У воинов только одна цель — их свобода. Умереть и быть съеденным Орлом — это не вызов. С другой стороны, проскочить мимо Орла и стать свободным — исключительная доблесть.

Когда воины говорят о времени, они не имеют в виду что-то такое, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания, из времени состоят эманации Орла, и, по существу, когдаходишь в любой аспект «другого я», то знакомишься со временем.

Воин не может больше плакать, и единственным выражением боли является дрожь, приходящая откуда-то из самых глубин Вселенной, как если бы одна из эманаций Орла была болью, и, когда она достигает воина, дрожь воина бесконечна.

КОММЕНТАРИИ

Изучение высказываний, извлеченных из «Дара Орла», вызвало у меня весьма примечательное ощущение. Я мгновенно ощутил проявившееся с невиданной силой жесткое кольцо намерения шаманов Древней Мексики. Тогда я без тени сомнений понял, что изречения из этой книги подчиняются их колесу времени. Более того, я осознал, что это относится ко всему, что я сделал в прошлом, включая создание книги «Дар Орла», и в не меньшей степени сказывается на том, что я делаю сейчас, в том числе и на создании этой книги.

Поскольку мне очень трудно описать это яснее, остается только одна возможность: принять этот факт с полным смирением. Шаманы Древней Мексики действительно разработали иную систему познания и, исходя из элементов этой системы познания, все еще способны воздействовать на меня сегодня самым благотворным и воодушевляющим образом.

Благодаря усилиям Флоринды Матус, которая вовлекла меня в изучение наиболее изощренных вариантов стандартных шаманских техник, разработанных шаманами древности, — например, перепросмотра, — мне удалось, к примеру, увидеть полученный с помощью дон Хуана опыт с такой силой, какую я никогда не мог бы даже вообразить. Книга «Дар Орла» стала результатом такого нового видения дон Хуана Матуса.

Для дон Хуана Матуса перепросмотр означал повторное переживание и полный пересмотр событий жизни во всей их целостности. Он никогда не тратил время на мелкие подробности изощренных вариантов этой древней техники. Флоринда, напротив, отличалась придирчивой дотошностью. В течение долгих месяцев она готовила меня к переходу к тем аспектам перепросмотра, которые я вплоть до настоящего времени не в состоянии описать.

— То, что ты чувствуешь, — обширность воина, — поясняла она. — Есть техники. Их очень много. Однако важнее всего тот человек, который ими пользуется, и его стремление пройти с их помощью до самого конца.

Перепросмотр личности дон Хуана в понятиях Флоринды привел к возникновению новых взглядов на дон Хуана с самыми мучительными подробностями и пониманием. Это было нечто намного более сильное, чем беседы с самим доном Хуаном. Именно прагматизм Флоринды обеспечил мне изумительные прозрения в отношении тех практических возможностей, которые ни в малейшей степени не волновали нагваля Хуана Матуса. Будучи настоящей прагматичной женщиной, Флоринда не питала в отношении самой себя ни иллюзий, ни мании величия. Она говорила, что является тем пахарем, который не может позволить себе упустить ни единого поворота на пути.

— Воин должен двигаться очень медленно, — советовала она, — и извлекать прок из всего, что встречается на пути воинов. Одним из самых примечательных достоинств является способность с непоколебимой силой сосредоточивать свое внимание на переживаемых событиях — этой способностью обладаем все мы как воины. Воины могут сосредоточивать это внимание даже на тех людях, с которыми никогда не встречались. Конечный результат такой глубокой сосредоточенности всегда оказывается одним и тем же: воину становится доступной вся полнота стилей поведения, от давно забытых до совершенно новых. Попробуй сам.

Я последовал ее совету и, разумеется, сосредоточился на доне Хуане. Я вспомнил все, что происходило в каждый миг. Я вспомнил такие подробности, каких вообще не должен был помнить. Благодаря трудам Флоринды я смог восстановить огромный пласт своего общения с доном Хуаном, а также чрезвычайно важные детали, которых прежде совершенно не замечал.

Дух изречений из «Дара Орла» стал для меня таким потрясением, благодаря им мне открылось то глубокое внимание, какое дон Хуан уделял предметам этого мира на пути

воинов, являющемся воплощением максимума человеческих возможностей. Эта движущая сила пережила его самого и не потеряла ни капли своей энергии. У меня возникло искреннее ощущение, что дон Хуан никуда не уходил, и я дошел до того, что действительно слышал, как он ходит по дому. Я обратился с вопросом об этом к Флоринде.

— О, это пустяки, — сказала она. — Это означает только то, что пустота нагваля Хуана Матуса дотягивается и прикасается к тебе независимо от того, где сейчас находится его осознанность.

Ее ответ еще больше озадачил и заинтриговал меня, одновременно повергнув в еще большее уныние. Хотя Флоринда была самым близким человеком для нагваля Хуана Матуса, она выглядела совершенно не похожей на него. Единственной их общей чертой являлась пустота. Они уже не были людьми. Дон Хуан вообще не существовал как личность: вместо личности существовал набор историй, каждая из которых уместно подходила к обсуждаемой в данный момент ситуации, — набор поучительных историй и шуток, несущих на себе приметы его трезвости и умеренности.

Флоринда была такой же — одна история следовала за другой, однако ее истории были связаны с людьми. Они были похожи на высшую форму сплетен, или на слухи, поднявшиеся благодаря ее обезличенности до непостижимых высот эффективности и занимательности.

— Мне хотелось бы, чтобы ты изучил одного человека, невероятно похожего на тебя самого, — сказала она мне однажды. — Я хочу, чтобы ты перепросмотрел этого человека так, как будто знал его всю свою жизнь. Этот человек занимал выдающееся место в образовании нашей линии. Его звали Элиас — нагваль Элиас. Я называю его «нагваль, потерявший рай».

Это история о том, что нагваль Элиас был воспитан иезуитом, который научил его читать, писать и играть на клавесине. Он выучил его латинскому языку. Нагваль Элиас мог читать священное писание на латинском так же бегло, как ученый человек. Богословие являлось его предназначением, однако он был индейцем, а в те времена ни одного индейца не пустили бы за кафедру церкви. Он был слишком пугающим, слишком темнокожим — настоящим индейцем. Священники относились к высшим слоям общества, они были потомками испанцев: белыми, голубоглазыми, приятными на вид и представительными. В сравнении с ними нагваль Элиас выглядел настоящим медведем, но он долго боролся за право стать священником, так как наставник разжигал его стремление обещанием того, что Господь позаботится о том, чтобы Элиаса посвятили в сан.

Он стал дьячком в церковном приходе своего наставника, и однажды в церковь вошла настоящая ведьма. Ее звали Амалия. Поговаривали, что она — та еще штучка. Так или иначе, все закончилось тем, что она соблазнила несчастного дьячка, который влюбился в Амалию так сильно и безнадежно, что в конце концов оказался в хижине нагваля. Со временем он стал нагвалем Элиасом — образованным, начитанным человеком, с которым следовало считаться. Казалось, звание нагваля создано именно для него. Оно обеспечивало ему ту анонимность и действенность, какую он не смог бы достичь в повседневном мире.

Он был сновидящим — и таким искусным, что в бестелесном состоянии посетил самые малоизвестные области Вселенной. Временами он даже приносил с собой предметы, приглянувшиеся ему своими очертаниями; это были совершенно непостижимые вещи. Он называл их «вымыслами». У него была целая коллекция таких предметов.

— Я хочу, чтобы ты сосредоточил свое внимание перепросмотра на этих «выдумках», — потребовала Флоринда. — Я хочу, чтобы в результате ты смог почувствовать их запах и осязать их руками, пусть даже ты никогда не видел их и знаешь только то, что я сейчас рассказала. Добиться такой сосредоточенности означает установить некую точку отсчета, подобно тому, как при решении алгебраического уравнения результат вычисляется с помощью какой-то третьей переменной. Ты сможешь с бесконечной ясностью увидеть нагваля Хуана Матуса, используя в качестве опорной точки кого-то третьего.

Книга «Дар Орла» представляет собой глубокий обзор того, чем занимался со мной дон Хуан, пока он оставался в этом мире. Тот взгляд на дону Хуана, которого я добился благодаря своим новым умениям в перепросмотре — и использованию нагваля Элиаса в качестве опорной точки, — оказался бесконечно интенсивнее, чем любые мои представления о нем, когда он еще жил здесь. Полученным в результате перепросмотра взглядам недостает живого тепла, однако они обладают точностью и ясностью неодушевленных предметов при пристальном наблюдении.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «ОГНЯ ИЗНУТРИ»

Без печали и тоски полнота недостижима. Без них не может быть завершенности, ибо без них не может быть ни доброты, ни уравновешенности. А мудрость без доброты и знание без уравновешенности бесполезны.

Чувство собственной важности — главнейший и самый могущественный из врагов человека. Его уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны ближних, и это делает его слабым. Чувство собственной важности заставляет человека всю его жизнь чувствовать себя кем-то или чем-то оскорбленным.

Тот, кто встал на путь знания, должен обладать огромным воображением. На пути знания ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось.

Если видящий способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определенно сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

Может показаться естественным, что воин, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за этой ошибки погибли многие великолепные видящие древности. Ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми людьми, обладающими реальной властью и силой. Это — совершенный вызов. Только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого.

«Неизвестное» — это то, что скрыто от человека неким подобием завесы из имеющей ужасающую фактуру ткани бытия. Однако оно находится в пределах досягаемости. В определенный момент времени неизвестное становится известным. «Непознаваемое» же — нечто, не поддающееся ни осмыслению, ни осознанию. Непознаваемое никогда не перейдет в разряд известного, но тем не менее, оно всегда где-то рядом. Оно захватывает и восхищает своим великолепием, и в то же время его грандиозность и безграничность повергает в смертельный ужас.

Мы воспринимаем. Это — точно установленный факт. Но то, что именно мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных. Ибо мы обучаемся тому, что и как воспринимать.

Воины утверждают, что мир объектов существует лишь постольку, поскольку таким его делает наше осознание. В реальности же есть лишь эманации Орла — текучие, вечно меняющиеся, и в то же время неизменные, вечные.

Глубочайший изъян незакаленных воинов заключается в том, то они стремятся забыть о чудесности того, что они видят. Их потрясает сам факт того, что они видят, и они начинают верить, что все дело в их собственной гениальности. Чтобы одолеть почти непобедимую вялость человеческого состояния, закаленный воин должен быть безукоризненным. То, что воины делают с тем, что видят, намного важнее самого видения.

Страх — одна из величайших сил в жизни воинов, потому что он заставляет их учиться.

Все живые существа стремятся к смерти. Это — истина, в которой воин не может не отдавать себе отчета. Осознание же останавливает смерть.

Неизвестное неизменно присутствует здесь и сейчас, однако оно находится за пределами

возможностей нашего нормального осознания. Для обычного человека неизвестное является как бы ненужной, лишней частью его осознания. Таковым оно становится потому, что обычный человек не обладает количеством свободной энергии, достаточным, чтобы отследить и уловить эту часть самого себя.

Величайшим недостатком человеческих существ является невозможность отрешиться от рассудочной инвентаризации. Но разум не способен рассматривать человека как энергию. Разум имеет дело с инструментами, создающими энергию. Однако он никогда всерьез не задумывается над тем, что мы — нечто большее, чем инструменты. Мы — организмы, производящие энергию. Мы — пузыри энергии.

Воины, целенаправленно достигшие состояния абсолютного осознания, — зрелище, в высшей степени достойное созерцания. В этот момент они сгорают в огне, возникающем изнутри. Да, изнутри приходит огонь и поглощает их. И тогда воины, достигшие полного осознания, сливаются с большими эманациями Орла и скрываются в вечности.

Стоит достичь внутреннего безмолвия — и все становится возможным. Внутренний диалог останавливается за счет того же, за счет чего начинается: за счет действия воли. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют свою волю без сомнений и колебаний. И мы задействуем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаем себе в этом отчета. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять волей. Это наша воля — разговаривать с самими собой. И, чтобы прекратить внутренние разговоры, нам следует воспользоваться тем же самым способом: приложить к этому волю без сомнений и колебаний.

Безупречность начинается с какого-нибудь простого действия, которое должно быть целенаправленным, точным и осуществляемым с непреклонностью. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает несгибаемое намерение. А несгибаемое намерение может быть приложено к чему угодно. И как только оно достигнуто — путь свободен. Каждый шаг повлечет за собой следующий, и так будет до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован.

Истинная тайна осознания переполняет нас. Эта тайна сочится сквозь все наши поры, мы буквально насквозь пропитаны тьмой и чем-то еще — невыразимым и необъяснимым. И относиться к самим себе по-иному — безумие. Поэтому не следует стараться закрывать глаза на тайну внутри себя, пытаться втиснуть ее в рамки здравого смысла или чувствуя к себе жалость.

Понимание бывает двух видов. Первый — просто болтовня, вспышки эмоций и ничего более. Второй — результат сдвига точки сборки. Этот вид понимания совмещается не с эмоциональными выбросами, но с действием. Эмоциональное осознание приходит годы спустя, когда воин закрепил новую позицию точки сборки многократным ее использованием.

Воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть — всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть — худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть — наша судьба и она неизбежна, мы — свободны. Тому, кто все потерял, нечего бояться.

Воин не отправляется в неизвестное, побуждаемый алчностью. Алчность работает только в мире обычной жизни. Но чтобы в ледящем душу одиночестве пуститься в странствие по невыразимым пространствам иных миров, требуется нечто повнушительнее алчности. Любовь. Нужна любовь к жизни, к аванюре, к тайне. Нужно обладать неиссякаемой любознательностью и огромной смелостью.

Воин думает только о тайне осознания, ибо только это имеет значение. Мы — живые существа, и смерть — наш удел, а осознание свое мы обязаны сдать туда, откуда оно получено. Но если нам удастся хоть чуть-чуть все это изменить, то какие тайны, должно быть, нас ожидают! Какие тайны!

КОММЕНТАРИИ

Книга «Огонь изнутри» стала еще одним окончательным следствием влияния Флоринды Матус на мою жизнь. На этот раз она предложила мне сосредоточиться на учителе дона Хуана, нагвале Хулиане. И сама Флоринда, и моя внимательная сосредоточенность на этом человеке открыли мне, что нагваль Хулиан Осорио был довольно неплохим актером, и не просто актером, а достаточно распущенным человеком, озабоченным исключительно соращением женщин — самых разных женщин, с которыми он общался во время своих театральных представлений. Он был таким беспутным, что в конце концов подорвал себе здоровье и заболел туберкулезом.

Однажды его учитель, нагваль Элиас, нашел его на каком-то открытом поле на окраине города Дуранго, когда он соблазнял дочь одного богатого землевладельца. От старания у актера началось кровотечение, которое вскоре стало таким сильным, что он оказался на грани смерти. Флоринда сказала, что нагваль Элиас видел, что он никак не может помочь актеру. Вылечить его было просто невозможно, и единственное, что мог сделать Элиас как нагваль, — остановить кровотечение. После этого он счел необходимым сделать актеру одно предложение.

— В пять утра я ухожу в горы, — сказал он. — Встретимся у выхода из города. Приходи. Если ты не придешь, то умрешь намного раньше, чем тебе кажется. Единственное спасение для тебя — пойти со мной. Я никогда не смогу вылечить тебя, но могу изменить направление твоего неуклонного движения к той бездне, что отмечает завершение жизни. Я уведу тебя очень далеко от этой бездны — либо налево, либо направо от нее. Ты будешь жить, пока не свалишься в нее. Ты никогда не выздоровеешь, но жить будешь.

Нагваль Элиас не питал особых надежд в отношении этого актера — ленивого, неопрятного, индугирующего и, возможно, даже трусливого. Поэтому он был удивлен, когда на следующий день, в пять утра, увидел, что актер дожидается его на краю города. Он взял его с собой в горы, и со временем этот актер стал нагвалем Хулианом — туберкулезником, который так и не выздоровел, но, судя по всему, прожил целых 107 лет, прохаживаясь вдоль самого края пропасти.

— Разумеется, для тебя важнее всего наблюдать за тем, как нагваль Хулиан идет вдоль края бездны, — сказала мне однажды Флоринда. — Нагваль Хуан Матус никогда этим не интересовался. Для него все это было просто излишним. Но ты не так талантлив, как нагваль Хуан Матус. Для тебя как для воина не может быть ничего лишнего. Ты должен добиться того, чтобы мысли, чувства и представления шаманов Древней Мексики беспрепятственно достигали тебя.

Флоринда была права. У меня не было способностей нагваля Хуана Матуса. Как она и утверждала, ничто не могло оказаться для меня излишним. Я нуждался во всех вспомогательных приспособлениях, в любых тонкостях. Я не мог позволить себе упустить какую-либо точку зрения или идею шаманов Древней Мексики, какими бы далекими они мне ни казались.

Наблюдение за прогулкой нагваля Хулиана по краю бездны означало, что моя способность сосредоточивать свое воспоминание могла быть расширена до тех ощущений, которые испытывал сам нагваль Хулиан в отношении своей самой необычной борьбы за то, чтобы остаться в живых. Я был до мозга костей поражен пониманием того, что борьба этого человека была ежесекундным сражением между его ужасающими привычками к индугированию и необычайной чувственностью, с одной стороны, и твердым желанием выжить — с другой. Его сражения были не единичными; это была непрестанная, дисциплинированная борьба за сохранение равновесия. Путь по краю бездны означал битву воина, доведенную до того уровня, когда значение имеет каждое мгновение. Единственный миг слабости мог привести к падению нагваля Хулиана в эту бездну.

Впрочем, такое напряжение слабело, если он удерживал свой взгляд, свое внимание, свою озабоченность сосредоточенными на том, что Флоринда назвала «краем бездны». Что бы он ни видел там, оно не могло выглядеть настолько же безнадежным, как то, что происходило, когда им начинали овладевать застарелые привычки. Когда я наблюдал за нагвалем Хулианом в такие мгновения, мне казалось, что я перепросматриваю совершенно

иного человека — человека более спокойного, отрешенного и собранного.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОНЯТИЯ ИЗ «СИЛЫ БЕЗМОЛВИЯ»

Нельзя сказать, что с течением времени воин обучается шаманизму, — скорее, с течением времени он учится сохранять энергию. Эта энергия дает ему возможность использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Шаманизм — это состояние осознанности, умение использовать те энергетические поля, которые не вовлечены в восприятие знакомого нам мира повседневной жизни.

Во Вселенной существует неизмеримая, неопишуемая сила, которую шаманы называют намерением, и абсолютно все, что существует во Вселенной, соединено с намерением связующим звеном. Воины пытаются понять и использовать связующее звено. Особенно они заботятся об очищении его от парализующего влияния каждодневных забот обычной жизни. Шаманизм на этом уровне может быть определен как процесс очистки нашего связующего звена с намерением.

Шаманы имеют жизненно важную связь со своим прошлым, но не с их личным прошлым. Для шаманов их прошлое заключается в делах, которые совершили другие шаманы. Обычный человек тоже занят анализом прошлого, но он делает это из личных соображений. Шаманы в таком случае заняты совершенно противоположным — они обращаются к своему прошлому, чтобы установить точку отсчета, что для них означает очистить свое связующее звено с намерением.

Обычный человек тоже исследует прошлое. Но он соизмеряет себя с прошлым, своим личным прошлым или прошлыми знаниями своего времени. Делает он это для того, чтобы найти оправдания своему поведению в настоящем или будущем. Или для того, чтобы найти для себя модель.

Дух проявляет себя воину на каждом повороте. Но это еще не вся истина. На самом деле дух открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, но на взаимодействие с ним настроены только воины.

Воины говорят о шаманизме как о волшебной таинственной птице, которая на мгновение останавливает свой полет, чтобы дать человеку надежду и цель, воины живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости, птицей свободы, они питают ее своей преданностью и безупречностью. Воины знают; полет птицы свободы — это всегда прямая линия, у нее нет возможности сделать круг, нет возможности поворачивать назад и возвращаться, и птица свободы может сделать только две вещи; взять воина с собой или оставить его позади.

Для воина дух есть абстрактное просто потому, что он знает его без слов или даже мыслей. Он есть абстрактное, потому что воин не может себе даже представить, что такое дух. Тем не менее, не имея ни малейшего шанса или желания понять дух, он оперирует им. Воин узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями.

У обычного человека связующее звено с намерением практически мертво, и воины начинают с такого звена, которое является совершенно бесполезным из-за своей неспособности действовать самостоятельно. Для того чтобы оживить это звено, воину необходима непоколебимая, неистовая целеустремленность — особое состояние ума, называемое несгибаемым намерением.

Сила человека безгранична, и смерть существует лишь потому, что мы намерены умереть с момента нашего рождения. Намеревание смерти можно остановить при помощи изменения позиции точки сборки.

Искусство stalking требует обучения мельчайшим деталям маскировки. И обучиться им следует так хорошо, чтобы никто не мог догадаться, что вы маскируетесь. Для этого необходимо быть безжалостным, искусным, терпеливым и мягким. Но безжалостность не должна быть жестокостью, ловкость — коварством, терпение — равнодушием и мягкость — глупостью.

Хотя действия воинов и преследуют скрытую цель, но она не имеет ничего общего с личной выгодой. Обычный человек действует только тогда, когда есть возможность извлечь для себя какую-то пользу. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но ради духа.

Древние видящие благодаря своему видению первыми заметили, что любое необычное поведение вызывает колебания точки сборки. Вскоре они обнаружили, что если систематически практиковать и разумно направлять такое поведение, то в конечном счете, это заставляет точку сборки сдвигаться.

Безмолвное знание — это не что иное, как прямой контакт с намерением.

Шаманизм — это путешествие с целью возвращения. Воин, одержав победу, возвращается к духу, спускаясь при этом в ад. И из ада он приносит трофеи. Одним из таких трофеев является понимание.

Воины, будучи stalkерами, в совершенстве понимают человеческое поведение. Они понимают, например, что человеческие существа являются плодом инвентарного списка. Знание того или иного особого инвентарного списка делает человека или подмастерьем, или экспертом в своей области.

Воины знают о том, что, если инвентарный список среднего человека начинает разрушаться, такой человек расширяет его, или же его собственный мир саморефлексии рушится. Обычно человек стремится включить в свой инвентарный список новые темы, если они не противоречат основополагающему порядку этой описи. Однако если темы противоречат друг другу, разум человека рушится. Инвентарный список — это разум. И воины учитывают это, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии.

Воины никогда не смогут построить мост для соединения с людьми мира. Но если люди захотят сделать это — именно им придется выстроить такой мост, который связал бы их с воинами.

Чтобы таинства шаманизма стали доступными какому-либо человеку, на такого заинтересованного человека должен обрушиться дух. Самим своим присутствием дух перемещает точку сборки человека в определенное положение. Именно это положение известно шаманам как место без жалости.

Не существует реальной процедуры, чтобы заставить точку сборки переместиться в место без жалости. Дух касается человека, и его точка сборки сдвигается. Это единственная возможность.

Все, что мы должны сделать, чтобы позволить магии овладеть нами, — это изгнать из нашего ума сомнения. Как только сомнения изгнаны, — становится возможным все что

угодно.

Человеческие возможности настолько безграничны и таинственны, что воины, вместо того чтобы размышлять об этом, предпочитают использовать их без надежды понять, что они собой представляют.

Все, что делают воины, является следствием движения их точки сборки. И такие сдвиги зависят лишь от количества энергии, имеющейся в их распоряжении.

Любой сдвиг точки сборки означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Шаманы полагают, что именно позиция точки сборки является причиной убийственной эгоистичности современного человека, совершенно поглощенного своим образом себя. Потеряв надежду когда-нибудь вернуться к источнику всего, человек искал утешения в своей личности. Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей точки сборки в строго определенном положении, увековечив тем самым образ себя. Итак, с уверенностью можно сказать, что любое перемещение точки сборки из ее привычного положения в той или иной степени приводит человека к избавлению от саморефлексии и сопутствующего ей чувства собственной важности.

Главной задачей на пути воина является уничтожение чувства собственной важности. Все, что делают воины, направлено на достижение этой цели.

Шаманы разоблачили чувство собственной важности и установили, что оно есть жалость к себе, маскирующаяся под нечто иное.

В мире повседневной жизни человек может очень легко изменить слово или решение. Единственная неотменяемая вещь в обычном мире — это смерть. С другой стороны, в мире шаманов можно отменить обычную смерть, но не слово воинов. В мире шаманов нельзя изменить или пересмотреть решения. Однажды принятые, они остаются в силе навсегда.

Одной из самых драматических черт человеческой природы является ужасная связь между глупостью и саморефлексией. Именно глупость заставляет обычного человека отвергать все, что не согласуется с его рефлексивными ожиданиями. Например, являясь обычными людьми, мы не в состоянии оценить наиболее важный аспект знания, доступного человеческим существам: наличие точки сборки и факт, что ее можно сдвигать.

Непоколебимое стремление рационального человека твердо придерживаться образа себя — это способ надежно застраховать свое дремучее невежество. Он, например, игнорирует тот факт, что шаманизм — это не заклинания, не магические формулы, не фокус-покус, но свобода восприятия не только повседневного мира, но и любого другого, доступного человеческому существу. Вот где глупость обычного человека наиболее опасна. Он дрожит при мысли о необходимости свободы. А ведь она рядом, она в кончиках его пальцев.

Все трудности для человека состоят в том, что интуитивно он осознает свои скрытые ресурсы, но не отваживается воспользоваться ими. Вот почему воины говорят, что человек находится в положении, среднем между глупостью и невежеством. Он сказал, что люди сейчас более чем когда бы то ни было нуждаются в обучении новым идеям, которые касались бы их внутреннего мира, — идеям шаманов, а не социальным идеям, — идеям, ставящим человека перед лицом неизвестного, перед лицом его личной смерти. Сейчас более чем когда бы то ни было мы нуждаемся в том, чтобы обучиться тайнам точки сборки.

Дух прислушивается только тогда, когда тот, кто к нему обращается, говорит жестами. Эти жесты не означают знаки или телодвижения — это действия истинной непринужденности, действия величественности, юмора. В качестве жестов духа маги проявляют все лучшее в себе и молча предлагают это абстрактному.

КОММЕНТАРИИ

Моя последняя книга о доне Хуане получила название «Сила безмолвия» — его выбрал мой редактор; я сам назвал бы ее «Внутреннее безмолвие». В то время, когда я работал над этой книгой, взгляды шаманов Древней Мексики стали для меня совершенно абстрактными. Флоринда изо всех сил пыталась воспрепятствовать моему погружению в абстрактное. Она старалась перенести мое внимание к другим аспектам техник древних шаманов или просто отвлечь меня потрясениями, вызванными ее скандальным поведением. Однако ничто не смогло отвлечь меня от этой тяги, которая казалась непреодолимой.

«Сила безмолвия» представляет собой интеллектуальный обзор мышления шаманов Древней Мексики в его наиболее абстрактной форме. Когда я в одиночестве трудился над этой книгой, меня заразили настрой этих людей и их стремление к большим познаниям, проявляющееся в некоем рациональном методе. Флоринда пояснила, что в конце концов эти шаманы стали чрезвычайно хладнокровными и отстраненными. Для них уже не существовало ничего теплого. Они были целиком погружены в свой поиск, и такая человеческая холодность была попыткой согласовать себя с холодом бесконечности. Они успешно изменили свое человеческое зрение, чтобы оно начало соответствовать прохладным глазам непознанного.

Я ощутил это на собственном опыте и отчаянно пытался изменить ход событий. До сих пор мне это не удалось. Мои мысли становились все больше похожими на мысли тех людей ко времени завершения их поиска. Это не означает, что я потерял способность смеяться. Совсем наоборот — вся моя жизнь превратилась в бесконечную радость, но одновременно стала и бесконечным, беспощадным поиском. Скоро Бесконечность поглотит меня, и я хочу подготовиться к этому. Мне не хочется, чтобы бесконечность растворила меня и обратила в ничто, так как у меня по-прежнему остались человеческие желания, теплые привязанности и любовь, какими бы туманными они ни были. Больше всего на свете мне хочется стать похожим на тех людей. Я никогда не знал их. Единственными шаманами, с которыми я был знаком, были дон Хуан и его когорта, но то, как они выражали себя, было невероятно далеким от той холодности, какую я интуитивно ощущаю в тех незнакомых мне людях.

Благодаря тому влиянию, которое оказала на мою жизнь Флоринда, я добился блестящих успехов в искусстве сосредоточивать свое непоколебимое внимание на настрое тех людей, которых никогда не знал. Я сосредоточивал внимание своего перепросмотра на настрое этих шаманов и оказался в его ловушке без какой-либо надежды когда-нибудь высвободиться из этих объятий. Флоринда не верила в то, что мое состояние уже стало необратимым. Она подшучивала надо мной и открыто смеялась над этим.

Твое состояние только кажется неизменным, — говорила она, — но это не так. Наступит такой момент, когда ты сменишь место действия. Возможно, ты отбросишь все мысли о шаманах Древней Мексики. Не исключено, что ты отбросишь мысли и взгляды в отношении даже тех шаманов, рядом с которыми ты трудился, — например, в отношении нагваля Хуана Матуса. Ты можешь отказать ему в существовании. Посмотрим. У воина нет никаких ограничений. Его ощущение импровизации является таким острым, что он может создавать мысленные концепции из ничего, однако это не просто пустые построения, но скорее нечто действенное, прагматичное. Посмотрим. Это не значит, что ты просто забудешь об этом, просто однажды, перед тем, как ты нырнешь в бездну — если наберешься дерзости пройти по ее краю, если будешь достаточно смел, чтобы не отклониться на пути, — ты придешь к присущим воинам выводам об упорядоченности и уравновешенности, бесконечно более достойным тебя, чем навязчивые идеи о шаманах Древней Мексики. Слова Флоринды стали

чем-то вроде прелестного и вселяющего надежду пророчества. Возможно, она была права. И разумеется, она была права, когда утверждаема, что возможности война неисчерпаемы. Вот только для того, чтобы я перешел к иначе упорядоченному взгляду на мир и на самого себя, к более подходящей для моего характера точке зрения, мне придется пройти по краю бездны — а я сомневаюсь в том, что у меня хватит дерзости и силы на такой подвиг.

Впрочем, кто знает?